

РИЯ ПЛАГА

Ликогда

НЕ СДАВАЙСЯ

Рия Плага

Никогда не сдавайся

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34331001
ISBN 9785449091222*

Аннотация

Алиса Грин – юная сотрудница аэропорта Денвера, старается избегать близких отношений с мужчинами. Неожиданно она получает предложение стать личным помощником богатого и деспотичного бизнесмена Фабиана Бойла. Предложение, от которого он не даст ей возможность отказаться. Со своим новым боссом Алиса отправляется в путешествие через Атлантический океан. Ее ждут Лондон и Париж, романтические приключения и сложный выбор между двумя мужчинами: влюбленным и любимым...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	48
Глава 4	74
Глава 5	92
Глава 6	109
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Никогда не сдавайся

Рия Плага

© Рия Плага, 2019

ISBN 978-5-4490-9122-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается всем мужчинам моей жизни.

Предисловие

Церковь. Яркие лучи солнца скользят внутрь небольшого помещения, где сегодня особенный день. Всё пространство становится волшебным освещённым, витражи превращают свет в разноцветье и делают происходящее ещё более исключительным. Я никогда не думал, что этот момент наступит – час, когда я буду стоять в церкви в парадном костюме-тройке, смотреть на лица гостей, занимающих свои места, на подружек невесты, одетых одинаково – в кремового цвета платья на тонких бретельках. На то, как они скользят по проходу, также собираясь занять свои почётные места на церемонии. Понимаю, что, возможно, их улыбки совсем не так лицемерны, как мне всегда казалось. Странное чувство. Я стою неподвижно, переживая за то, что произойдёт дальше. Ранее мне не доводилось испытывать подобного.

Все замирают, как только начинает играть музыка – не какая-то, а та, что любила она, и это делало её ещё более исключительной. Звучал приглушённый голос: Michael Jackson – You are not alone. Она действительно больше никогда не будет одна, теперь только любящей и любимой. Никогда не будет страдать. Она движется по узкому коридору церкви между скамейками, все глаза устремлены только на неё – такая красивая сегодня. Впрочем, как и всегда. Сейчас чрезвычайно сосредоточена и серьёзна. Ни одна девушка в жизни

не внушала мне столько любви и уважения. А сейчас – и восхищения её красотой, грацией и спокойствием, так порой несвойственным ей. Белое платье, букет пионов в тон в руках и едва заметная улыбка на лице, волосы завиты в кудри и рассыпаются по плечам и спине. Она шла нерешительно, будто опасаясь сделать ещё шаг. Снова и снова решаясь на него. Я чувствовал, как она дрожит, и хотел подойти и сказать, что всё будет хорошо. Всё позади. Но как я мог? Сегодня её день. А я хотел только одного: чтобы это был день нашей свадьбы, и держусь, дабы не разрушить здесь всё.

Глава 1

– Так значит, вы с шестнадцати лет работаете в аэропорту? – спрашивает меня маленькая женщина, ей явно уже далеко за сорок пять, но выглядит она очень даже неплохо. Я сижу в просторной переговорной «Б и Б»¹, в офисе, недалеко от того места, где я живу. В лице этой привлекательной женщины читается неприязнь, и я практически вижу, как она оценивает меня не самым лучшим образом. В её глазах отражаются недоверие и явное непонимание, как я могу быть нужной в столь большой компании в своём юном возрасте. Единственное, что я умею, – так это приспосабливаться к таким людям, как она.

– Вы абсолютно правы, миссис Браун. Я начала помогать моему отцу в аэропорту, как только мне исполнилось шестнадцать лет, а до этого я проводила всё свободное время, просто наблюдая за работой. Меня всегда восхищали самолёты, и я мечтала работать именно в этой сфере, – я дружелюбно улыбаюсь и поправляю свои шоколадного цвета волосы, аккуратно подстриженные лесенкой.

На её лице не отражается одобрение или хотя бы какая-то симпатия, и я это прекрасно понимаю. Мне двадцать три года, и для всех удивительно, что во мне нуждается так много

¹ «Бойл и Браун Аэйрлайнз»

компаний. Я стала профессионалом своего дела за счёт любви к нему. Вот уже около полугода я прослушиваю сообщения и принимаю письма от всевозможных компаний в авиационной отрасли. Но это моё первое собеседование за долгое время.

– Почему вы считаете, что справитесь с этой работой? – миссис Браун приподнимает одну бровь.

Я вижу, как она уже приняла решение о том, что я не подхожу им. Но всё равно уверена, что в считанные секунды смогу исправить это мнение. Так происходит всегда. Люди просто не умеют не любить меня. Наверное, это досталось мне от матери, которую обожали все в нашем маленьком городе, пока она не погибла в автокатастрофе.

– При всем уважении, миссис Браун, но это ваша компания просила меня присоединиться к коллективу. Я не так сильно нуждаюсь в этой работе, как вы можете думать. Но могу вас уверить, что никто не справится с ней лучше меня. Может, это и прозвучит нескромно, но я лучшая. Но наверняка вы и без меня это знаете, – я вновь улыбаюсь и поправляю на коленях серую юбку.

Именно из-за таких, как миссис Браун, я никогда не хотела работать в крупных компаниях. Но пришло время что-то менять. Уехав из маленького городка, от отца, друзей и аэропорта, где я работала всю свою сознательную жизнь, я оказалась в столице штата Колорадо и предстала перед огромным выбором вакансий. Но начала с малого: устроилась в аэро-

порт на низшую должность, быстро продвигаясь по карьерной лестнице. И вот полгода назад на меня началась настоящая охота, так как лучше меня никто не знает работу аэропорта и компаний, обслуживающихся там.

– Эм, милая, как ты думаешь, это подходит для новой формы? – произносит приятный мужской голос.

Я поворачиваю голову в сторону только что открывавшейся двери и буквально застываю с открытым ртом.

– Ой, прости, я не хотел вас побеспокоить, но Эм, милая, мне так нужна твоя помощь, – мужчина застывает в дверях и с мольбой смотрит на мою собеседницу.

Она улыбается и, извинившись, отводит его в сторону.

А я так и не могу прийти в себя. Такого никак не ожидала встретить. Самого красивого мужчину, которого я когда-либо видела в своей жизни. Высокий, около метра девяноста, тёмные короткие волосы уложены с помощью геля, но это практически незаметно. На нём форма авиакомпании, в которой я прохожу собеседование. Сине-чёрные брюки со стрелками, белая рубашка с вышитым золотыми нитями на рукавах названием авиакомпании, через её тонкую ткань проступает рельеф его мускулатуры. На нём нет пиджака, он держит его в руках. У него пухлые губы, от которых наверняка не могут оторваться женщины, и эти глаза. Я никогда не видела таких глаз. Они кажутся почти чёрными, но, наверное, просто шоколадного цвета, но этот взгляд... Даже издали, смотря на него, ощущаешь на теле мурашки.

Я отгоняю все порочные мысли и внимательно изучаю своё резюме, что лежит напротив меня. Совсем не хочется подслушивать разговор, но краем глаза продолжаю наблюдать за ними. Вот он высовывает кончик языка и проводит им по нижней губе. Я чувствую прилив необыкновенных чувств. Меня возбуждает это движение его языка. Я, уже не отрываясь, смотрю на него. Как он прикусывает нижнюю губу и наклоняет голову чуть в бок, внимательно слушая собеседницу. На лице не отражается ни единой эмоции, и мне он кажется холодным, несмотря на идеальность его внешности.

Неожиданно понимаю, что он смотрит на меня, и краснею, как пятилетняя девочка, быстро отвожу взгляд и начинаю теревить край юбки. Вот чёрт, подумает, что я дурочка, уставившаяся на него.

Я никогда бы не смогла назвать себя уродиной. Даже напротив, часто, вставая возле зеркала, понимаю, что весьма привлекательна. Нет, конечно, далека от моделей и их параметров, которыми восхищаются, и уж точно мне далеко и до Анджелины Джоли или кого там ещё любят все мужчины. Но я действительно милая. Длинные волосы, чуть ниже лопаток, шоколадного цвета, их я отращивала несколько лет, так как в детстве меня стригли очень коротко. Всегда ухоженные руки с идеальным маникюром, и кто бы что ни говорил, мне не жалко на это денег. У меня большие голубые глаза, которые порой становятся серыми, особенно когда я

злось. Пухлые губы и прямой нос. Ну насколько это возможно после падения с лестницы. Косо подстриженная чёлка падает на лицо.

Я всегда крашусь перед выходом из дома, и вряд ли кто-то видел меня без макияжа, разве что подруги. Хотя единственное, чем я не могла бы похвастаться, так это фигурой супермодели. Я совсем не худая. Конечно, и не то, чтобы очень толстая, но у меня всё на месте. Грудь, попа. Я никогда не откажу себе в шоколадке, которая спасает от плохого настроения. Но я всегда старалась скрывать недостатки фигуры одеждой, правда, с такой работой сложно выглядеть элегантной и красивой.

Я вновь поднимаю глаза на беседующую недалеко от меня пару. Стараюсь не пялиться на них, что сложно. Он почёсывает большим пальцем подбородок и кивает. У него тёмная щетина, отросшая за несколько дней. Либо он много работает, либо ему нравится выглядеть немного небрежно. Да и мне он таким нравится. Машинально представляю, как это – целовать его щетинистый подбородок и ощущать, как он царапает кожу. По спине пробегает холодок, и я вздрагиваю, стараясь отодвинуть такие мысли подальше.

– Прошу меня простить, мисс Грин, – к столу возвращается миссис Браун и на удивление улыбается своей самой дружелюбной улыбкой. Ну, во всяком случае, мне кажется, что она довольна. Хотя на её месте я бы тоже была абсолютно счастлива при разговоре с таким красавцем, – я вам не пред-

ставила. Это Фабиан.

Я не успеваю поднять глаза, как он подходит ко мне и берёт за руку, нежно проводя большим пальцем по моей руке. Никогда в жизни не думала, что могу робеть перед мужчиной. Но чувствую его прикосновение, и меня вновь бросает в краску. Да что же это со мной такое? Поднимаю глаза на него и улыбаюсь уголками губ. Вижу улыбку и на его лице. Наши руки всё ещё соединены.

– Очень рад познакомиться, мисс Грин. Я столько слышал о вас. Да весь авиабизнес только о вас и говорит. Надеюсь, вы к нам присоединитесь, – он так на меня смотрит, будто не замечает, что мы в комнате не одни.

Да и мне самой кажется, что весь мир замер, в то время как его рука всё ещё сжимает мою. Я не могу пошевелиться и даже слово из себя выдавить. Мои глаза направлены в его, и я вижу в этом взгляде что-то большее. Но никак не могу понять, что именно там рассмотрела. Наконец он отпускает мою руку, и ко мне возвращается понимание, что я в просторной переговорной. Вся магия куда-то исчезла.

Они обмениваются ещё парой фраз, и я слышу, как дверь закрывается. Нервно сглатываю и поднимаю глаза на понимающе смотрящую на меня миссис Браун.

Наверняка один из менеджеров по разработке формы, – думаю я и возвращаюсь в реальность. Надеюсь, мы будем не так часто видеться, потому что я никогда не краснею перед мужчинами.

– Ещё раз прошу прощения. Фабиан не привык откладывать дела на потом, всегда отвлекает меня. Правда, скоро придётся принимать решения самостоятельно.

Я улыбаюсь и очень надеюсь, что на этом день моего позора закончится.

– Но продолжим наш разговор, – она вновь улыбается и присаживается на своё место.

Её взгляд через секунду вновь становится холодным. Кажется, с его уходом и она перестала быть той улыбчивой женщиной и вновь превратилась в бизнесвумен, какой всегда считалась, судя по тому, что я читала в журналах.

Я нахожусь в главном здании авиакомпании «ББА». Это одна из самых популярных компаний, занимающихся бизнес-авиацией. У них имеется несколько сотен самолётов, предназначенных для перевозки важных лиц, которым не пристало путешествовать с обычными людьми. Обычно я такими рейсами не занимаюсь, но с недавних пор мне приходится общаться и именно с такими компаниями. Но, по последним новостям, «ББА» решили расширить бизнес и ввести обычные рейсы и заняться перевозкой пассажиров. Они закупили уже несколько самолётов известных производителей, такие как Boeing и Airbus. В этом году должны прийти первые самолёты, именно поэтому им требуется такой специалист, как я.

– Судя по вашему резюме, вы не оканчивали колледж, откуда же столько знаний об авиации и особенно в части, ка-

сающейся вашей нынешней работы по обслуживанию рейсов? – спрашивает она и пробегается глазами по моему резюме. Я возвращаюсь в реальность.

– Вы абсолютно правы. Колледж я не заканчивала, так как всё время работала. А знания приходили ко мне с опытом. Училась на ошибках, – говорю уверенно я, – на своих и чужих, – добавляю и пытаюсь улыбнуться как можно дружелюбнее.

Но улыбка выходит неловкой. Ненавижу, когда начинают задавать вопросы об образовании. Да, я не уехала в колледж, когда имелся шанс, а предпочла работать и помогать отцу. Но нельзя же в этом меня винить. Но тут я ловлю себя на том, что в первый раз недоговорила правду. Но нельзя же рассказывать, каким именно способом я получила знания в области технологического процесса обслуживания самолёта. Услышанное вряд ли обрадует мою собеседницу, впрочем, как и любого нормального человека.

Я не отвожу от неё взгляда. Она задаёт ещё несколько вопросов, естественных на собеседовании, и я немного расслабляюсь. Наконец она встаёт со своего стула.

– Я была очень рада с вами познакомиться, мисс Грин. Надеюсь, вы примете предложение и станете частью нашей большой семьи. Я вышлю более подробную информацию на указанный вами электронный адрес, надеюсь, к концу следующей недели вы сможете дать нам своей ответ, – на удивление она вновь улыбается, а глазами показывает, что нам

пора прощаться.

Я чувствую себя как маленькая девочка, которая оказалась в доме больших дядь и тётъ и совершенно не вписывается. Такое случается первый раз в моей жизни. Вставая, я одёргиваю юбку и расправляю шёлковую блузку. На улице начало лета, и пусть работает кондиционер, я чувствую, что меня бросает в пот и становится невероятно жарко. Мы доходим до лифта, и женщина протягивает мне руку и улыбается, так как на нас смотрит пара зелёных глаз секретаря. Я нерешительно отвечаю на рукопожатие и обвожу помещение взглядом. Его нет здесь. Почему-то мне становится грустно оттого, что мы больше никогда не увидимся.

– Спасибо за всё, миссис Браун, – улыбаюсь, и как только звуковой сигнал говорит о прибытии лифта, я захожу в него и через несколько секунд, наконец, остаюсь одна.

Бросаю сумку на деревянный стол в своём небольшом офисе в главном здании аэровокзала и улыбаюсь собственному отражению. Я добивалась цели очень долго. Чтобы во мне нуждались и все хотели заполучить к себе. Я шла к этому большими шагами, не без трудностей, конечно. Теперь, несмотря на мой юный возраст, за меня дерутся, предлагают такую зарплату, от которой невозможно отказаться.

Но вот придя к этому, я совсем не уверена, что готова бросить аэропорт ради авиакомпании. Конечно, это что-то новое, интересное и неизведанное, более детальное, и мне нравится именно такая работа, где не надо расплывать внимание

на всё. Но аэропорт всегда был частью меня, с того самого дня, как в первый раз отец взял меня с собой на работу.

Мне исполнилось всего семь лет, и тогда я в первый раз увидела самолёт. Пусть из здания старого терминала, но уже тогда влюбилась в него. Я не люблю небо, порой даже боюсь летать, но обожаю самолёты, могу смотреть часами на них и на работу, которая ведётся. Впечатление потрясающее.

– Али, где ты была всё утро? Я ждала тебя к завтраку. Даже испекла булочки с лимоном, как ты любишь, – в трубку недовольно бормочет моя лучшая подруга Анна.

Мы знакомы ещё со школы, с того самого дня, как она принесла мне воды, поскольку я захлёбывалась слезами от неожиданного удара баскетбольным мячом прямо по голове на физкультуре. Тогда все смеялись, а я, скорчившись от боли, сидела на скамейке и плакала. Только Анна тогда подошла ко мне и, улыбнувшись, протянула бутылочку воды. В тот день мы стали лучшими подругами. И даже когда она уехала в колледж в другой штат, мы постоянно созванивались и переписывались по электронной почте. Затем она встретила Маркуса. Они встречались уже почти два года и скоро собираются пожениться, не смотря на то что живут на два города: Денвер и Финикс, откуда был родом Маркус.

– Не шути так, Анна. Ты и печь – это несовместимо. Говори лучше правду. Что ты заставила Маркуса пойти в кофейню и принести кофе с булочками, – я рассмеялась в трубку.

Моя подруга никогда не была большой любительницей го-

товки, но вот вкусно поесть она любила. Наверное, именно поэтому она влюбилась в Маркуса. Хотя как не влюбиться в симпатичного кондитера, у которого сеть кондитерских по всему городу и за его пределами.

– Это неважно, и ты не ответила на мой вопрос. Где ты была? – почти по слогам выговаривает подруга.

– Я всё же поехала на собеседование в «ББА». Ты говорила, что стоит попытаться, особенно учитывая, что они самые настырные, да и мне всегда нравилась их компания. Так что я поехала туда и поговорила с этой одной из Б., – я не хотела рассказывать о встрече с ним, ведь он просто самый красивый мужчина и мы вряд ли ещё когда-то увидимся.

Поэтому подруге предстояло услышать только краткую версию всех событий утра. Я рассказала, как всё прошло, и доложила, что мне дали неполных две недели на обдумывание и я собираюсь ими воспользоваться.

– Да что ты там думать собралась? Кто ещё предложит такие невероятные деньги такой молодой девушке без диплома классного колледжа из Лиги Плюща? Не смей меня, ты обязана согласиться и даже не смей спорить, – когда требовалось, Анна могла быть серьёзной и настойчивой, хотя чаще всего улыбалась и смеялась, веселилась от души, а особенно ей нравится дурачиться и указывать на глупость других людей, хотя это не всегда хорошо у неё получается.

– Нет, я должна всё обдумать. Это сложное решение. Я работаю в аэропорту очень долго и никогда не связывалась

с авиакомпаниями напрямую. Это меняет всю мою деятельность. Но ты права, деньги действительно очень хорошие. И я смогу помогать папе и Люси, покрою часть кредита и смогу купить машину получше уже в декабре, – я никогда не обдумывала свои траты, и деньги служили для меня тем, что удовлетворяет мои желания, мгновенные или спланированные заранее. Я нуждалась в деньгах только потому, что они нужны для исполнения моих желаний.

– Вот именно. Ладно, я поняла, что тебя не смогу переубедить. Хотя мне и удалось это сделать однажды, но зря я, конечно, тогда это сделала.

Я практически видела, как лицо моей подруги изменяется и она сожалеет о том, что случилось, когда я приехала к ней в колледж, чтобы навестить. Но если я смогла пережить это и забыть, значит, и она сможет и однажды перестанет себя винить.

– Ладно, я побегу, меня опять зовут. Кажется, этот аэропорт не может работать без меня. Я тебя люблю, и передай привет Маркусу, – передаю поцелуй через трубку телефона и откладываю его в сторону.

Надеваю жёлтый светоотражающий жилет, в котором все обязаны ходить по полю. Меняю туфли на каблуке на чёрные простые балетки и поправляю макияж глаз. Единственное, что люди не понимают во мне, так это то, что я всегда крашусь так, будто собираюсь на ужин после работы. Нет, не то чтобы мои глаза в блёстках или что-то типа того, но чёрные

стрелки, тушь, румяна и лёгкий блеск для губ всегда на мне. Просто потому, что так я чувствую себя гораздо увереннее.

Сегодня ожидается тяжёлый день. Несколько самолётов из Вашингтона и Нью-Йорка, парочка из Сиэтла и Лос-Анджелеса, также европейские столицы и бизнес-авиация. Со мной, как всегда, три сотовых телефона. Один мой личный, его знают только друзья и папа с Люси, его новой женой. Второй для связи со службами, что находятся в здании аэровокзала, а другой – для связи на поле: хотя в служебной машине лежит рация, я ею никогда не пользуюсь, потому что она слишком часто ломается, и дешевле и практичнее просто звонить.

На часах четверть двенадцатого. Позади целый рабочий день, я никогда не заканчиваю вовремя. Ухожу с работы не раньше девяти, а порой, как сегодня, гораздо позже. Все в аэропорту знают, что я трудоголик, шла к своей должности очень долго и порой работала сутками, чтобы добиться своего. Даже теперь, имея офис с табличкой со своим именем на двери, я не расслабляюсь. У меня столько ещё впереди. Не хочу зря тратить время.

Когда я отрываюсь от бумаг, что скопились на моём столе, часы показывают половину первого. За это время я не съела и салата, зато выпила столько кофе, что могло бы убить здоровую лошадь. Кофе – моя слабость. Плюсом к любви к алкоголю и красивым мужчинам, как тот, что встретился мне утром. Воспоминания о его глазах, с этой чернотой в них,

так что перехватывает дыхание даже на расстоянии не дают мне уснуть прямо за столом, я улыбаюсь и автоматически зачёсываю волосы назад. Пора собираться домой.

В начале второго открываю дверь своей квартиры. Она находится на последнем этаже невысокого дома недалеко от центра города. Мне не хотелось жить рядом с аэропортом, так как обязательно проводила бы там слишком много времени и могла бы оставаться ещё дольше, а поездки домой на машине радовали меня и давали время отключиться от работы и вновь становиться собой.

Как всегда, перед тем как оказаться дома, я заехала в любимый круглосуточный ресторан китайской кухни и купила любимую лапшу с креветками и, конечно же, захватила курицу для соседки. Наша квартира полностью отражала наши жизни, и только спальни показывали, насколько по отдельности мы отличаемся. Ева – моя вторая половина в теле подруги. После того как Анна уехала в колледж, и я осталась одна, именно Ева оказала мне помощь и поддержку. На самом деле она куда больше, чем подруга, она моя сводная сестра. Да, я знаю, что обычно такие сёстры не ладят, но у нас сложились совсем другие отношения. Мы очень похожи характерами, хотя внешне просто две разные планеты. Она высокая блондинка с короткими волосами, вечно придумывающая что-то новенькое. Сейчас её цвет волос представлял собой что-то странное – светлые корни и совсем тёмные концы. По словам Евы, это очень модно в нынешнем сезоне. По мне,

так выглядело странно, но безумно ей шло. У неё немного суженные зелёные глаза, маленький нос и очень красивая фигура, не зря каждый вечер она ходит в спортзал. Иногда я ей завидую. Ева подрабатывает, снимаясь в каталогах различных фирм одежды, чаще всего джинсов – из-за длинных красивых ног, но вообще-то она великолепно рисует и работает в самой большой фирме, занимающейся интерьерами помещений. Ведущий дизайнер.

Я бросаю сумку на тумбочку справа от себя и включаю свет, освещая просторную гостиную, которая соединена с кухней, и всё это вместе одна большая комната, служащая нам и кухней, и столовой, и, конечно же, гостиной и офисом. Здесь протекает основная наша жизнь. Стена, которая предназначена для кухни, по нашей идее выкрашена в голубой цвет, и на ней нарисованы маленькие белые и жёлтые звезды. Одна из стен гостиной разрисована под кирпичную, и на ней висит наш телевизор, а вдоль неё стоят несколько стеллажей с книжками. Напротив наш любимый большой бордовый диван с невероятным количеством разноцветных подушек. Идея Евы, но и мне нравится валяться среди них. Рядом стоят наши кресла: чёрное с цветным пледом Евы и бордовое под цвет дивана большое кресло с огромной подушкой, его я привезла из дома, единственное, что забрала с собой. Его сделала моя мама.

Остальные стены выкрашены в нейтральный бежево-коричневый цвет, на них висят наши фотографии и фотогра-

фии друзей и семьи. Там же и стол с двумя ноутбуками и стопки журналов с фотографиями Евы. Квартиру мы купили на то, что заработали за несколько лет, конечно не без помощи наших родителей.

На кухне приятно пахло свежеиспечённым печеньем. Сестра любит радовать меня такими вот вещами после трудовых будней, и я не могу себе отказать в сладком, несмотря на свою фигуру. Я никогда не комплексовала по поводу неё, хотя порой, сравнивая себя и с Евой, и с Анной, я уверялась, что гораздо полнее их, но в этом моя изюминка.

Сняв балетки, ступила на мягкий ворсистый ковёр. Я заставила его купить Еву, когда поняла, что слишком холодный пол у нас не из-за того, что на улице зима. Пусть ей не нравится его цвет и она ненавидит его пылесосить, я всё же считаю его покупку необходимой. Усаживаясь на диван и беря в руки коробочку с китайской лапшой, я секунду раздумываю, не включить ли телевизор, но в голове всё ещё шумят голоса пассажиров и коллег, и я предпочитаю посидеть в тишине. Горит всего лишь торшер в углу возле окна во всю стену, которая прикрыта цветными шторами.

Я поворачиваю голову, услышав неожиданный шум, и морщусь, когда возле двери зажигается яркий свет. В моих руках застывают палочки, когда я вижу скользящую по паркету Еву в одной футболке с надписью «GAP», тянущую за собой какого-то парня, которого вижу в первый раз в жизни. Она целует его возле двери и закрывает её. Скользит

по двери вниз и смеётся, так она смеётся, только когда получает своё. Только спустя несколько минут её смеха она замечает мои глаза, смотрящие на неё, и поднимается с пола.

– Его зовут Адам, – невинным тоном произносит она и садится рядом со мной на диван, – вкусно пахнет. А мне ты принесла?

Ева переводит взгляд с меня на коробочку в моих руках. Исследует глазами стол, что перед нами, и, наконец, видит то, что искала. В ту же минуту в её руках уже зажаты палочки, и она откусывает кусочек курицы. Я обожаю смотреть, как она мурлычет от удовольствия.

– Не понимаю, как ты можешь лишать себя такого удовольствия намеренно? – сестра вскидывает бровь вверх и продолжает жевать курицу, прикрывая глаза от наслаждения.

– О чём это ты? – спрашиваю удивлённо я, хотя прекрасно понимаю, о чём она. Мои глаза скользят к календарю, что висит напротив стола с нашими компьютерами, и я мысленно отмечаю дату. Сегодня ровно сто дней.

Наверное, это звучит странно, но вот уже сто дней я обхожусь без мужчин, то есть мой обет воздержания всё ещё в силе, и я пока не нарушила его. Не то, чтобы я особо верующая, просто за мою недолгую жизнь я совершила столько ошибок с парнями, совершенно разными парнями, красивыми и не очень, моделями, музыкантами, спортсменами, актёрами, простыми техниками, айтишниками, полицейскими

и ещё много с кем, что однажды поняла: так продолжаться просто не может.

Я встречалась с огромным количеством парней, с некоторыми дольше, с некоторыми меньше, а с другими проводя просто одну ночь. Нет, никакой душевной боли я не хотела заглушить, просто люблю получать удовольствие, люблю его дарить. Мне нравится запах мужчины рядом и нравятся ощущения внизу живота от желания. Но за всё это время я не встретила ни одного стоящего парня. Кто-то обижал меня, кого-то я, а некоторые разбивали моё сердце на маленькие кусочки.

И поэтому я решила, что не стану спать с парнями, пока не встречу действительно стоящего, с которым смогу связать свою жизнь, увижу своё будущее с ним, потому что больше не хочу отдавать часть себя не тем парням. Не то, чтобы я верила в прекрасного принца, что приедет ко мне на белом коне и заберёт в сказочный дворец, и ему плевать, что я немного полновата. Нет, скорее я верю в парня, который стоя на трапе скажет, что я – то, что ему надо, я единственная.

Вот в такое мне бы хотелось верить. Может, для кого-то это не романтично и не так красиво, как букеты цветов и признания в вечной любви, но именно о таком мечтала именно я. Ева и Анна почти в один голос говорят, что я зря придумываю и тем более зря лишаю себя удовольствия встреч с парнями, удовольствия секса и первого поцелуя. Но мне бы хотелось, чтобы это в следующий раз оказалось

чем-то особенным.

– Ты знаешь, что я по-другому это вижу. Не хочу сдаваться из-за какого-нибудь красавчика, который растопчет мои чувства, и я снова останусь одна, – я пожимаю плечами и откладываю пустую коробку на стол, – ты знаешь, я больше это не перенесу, – улыбка на моём лице скорее не радостная, а показывающая, что, хоть я и справилась, но не хочу больше повторять то, через что прошла.

Ева прекрасно понимает меня и больше не произносит ни слова. Каждый оказывается в мире своих мыслей. Именно поэтому нам так хорошо вместе. Даже в тишине, когда мы обе молчим, я знаю, что она рядом и мы вместе, что бы ни происходило. Я встаю с дивана и, не произнося ни слова, посылаю воздушный поцелуй сестре.

Моя комната – мой маленький мир, отражение моей души и моих чувств, тех, что прячутся от большинства людей. Небольшое помещение с окном на левой стене, которое прикрыто голубой просвечивающей занавеской. Мой потолок – это небо, кажется, даже виден самолёт, взмывающий в небеса. Стены в голубых и синих оттенках, это либо море, либо тоже небо, каждый видит по-своему, да и я порой сама не знаю, что именно это. На стенах висят фотографии родителей, друзей, а над кроватью – три небольших фотографии в ряд, на них только я.

Год назад я сделала профессиональную съёмку и, выбрав лучшие снимки, поместила их над кроватью. Чёрно-белые,

как я и хотела, на них я такая счастливая, с цветами в волосах и в летнем платье, улыбаюсь и смеюсь. Именно такой я хочу оставаться всегда. Кровать и комод сделаны из светлого дерева, рядом с кроватью ящик для белья, сделанный из того же дерева, что и остальная мебель. За дверью прячется стеллаж с мягкими игрушками. Не маленькая девочка, но и у меня есть слабости. Плюшевые игрушки. Мне их дарят постоянно, и порой я сама их покупаю, но они прячутся от посторонних глаз за дверью, хотя в мою комнату разрешено заходить только мне и Анне с Евой. Даже отец ни разу не был в этой комнате, после того как я окончательно завершила здесь ремонт. На кровати всегда весёлое постельное бельё разных цветов и множество подушек. Обычно я не застилаю кровать, потому что мне лень, но сегодня она застелена.

Погружаясь в сон, я вижу того невероятно красивого мужчину. В голове звучит его красивое и необычное имя. Фабиан. Наверное, ради такого мужчины я бы смогла нарушить обет воздержания, хотя, скорее, я просто хотела бы, чтобы именно такой, как он, оказался бы единственным способом понять меня и мои мысли. Я проваливаюсь в сон так же быстро, как Алиса в кроличью нору.

Глава 2

Мой телефон предательски вибрирует в кармане брюк. Я же не свожу глаз с только что приземлившегося самолёта, который в данный момент времени выруливает на стоянку прямо напротив меня. Улыбаюсь и поправляю жилетку. Перевожу взгляд на часы на моей руке и засекаю время. 9:12. Время приземления. Я заношу данные в отчёт по рейсу, что находится у меня в руке, и продолжаю улыбаться. Невыносимо ярко светит солнце, так что мне приходится зажмурить один глаз.

Люблю такие дни. Именно в солнечную погоду жизнь кажется настолько прекрасной, что не думаешь о том, что ты далеко от дома, давно не виделась с отцом и нет свободного времени на друзей. Я постоянно думаю об этом, но только не когда нахожусь возле самолёта. Именно эти гигантские машины вселяют в меня такой восторг, я чувствую свою значимость, и ничто не может меня отвлечь от этого.

Краем глаза замечаю движение слева от меня и оборачиваюсь, чтобы разглядеть. Приходится прищуриться, так как солнце не даёт мне даже маленькой возможности увидеть тех, кто решился нарушить моё единение с работой. Я не ношу солнцезащитные очки. Не потому что мне не идёт, просто постоянно забываю их в офисе, а бежать обратно нет ни сил, ни особого желания. Да и веснушки, которые появляются

на моём лице, радуют меня каждое лето. Кто-то говорит, что это некрасиво, я же считаю их в какой-то мере изюминкой.

– Вы Алиса Грин? – спрашивает молодой человек в форме, ещё не подойдя ко мне достаточно близко.

Я киваю головой и замечаю, что чуть дальше от него следуют ещё двое в форме. Нервно сглатываю. Люди в форме вселяют в меня страх. Однажды такие же постучали к нам в дверь и сообщили о том, что моя мама умерла. Автокатастрофа. С того дня я стала аккуратнее водить, хотя отец вообще не понимает, как я продолжаю ездить на машине. Но это, наверное, единственное, кроме самолётов, что делает меня спокойной и уравновешенной.

Начинаю вспоминать, что же плохого могло произойти или что я успела сделать, какие штрафы не оплатила и все ли пропуска висят у меня на шее. Обычно я ничего не забываю, но всегда наступает первый раз. Выдавливаю улыбку, но руку для знакомства не протягиваю.

– Капитан Джемесон Вин. Офицеры Валье и Райан, – кивает головой позади себя капитан, и я киваю в ответ.

Не имею представления, что им может от меня понадобиться. Внимательно изучая их, подмечаю, что один из офицеров, тот, что пониже и с большими карими глазами, держит какие-то бумаги.

– По нашим сведениям, – продолжает капитан, отводя взгляд от меня и внимательно изучая заруливающий на стоянку лайнер, – на данном самолёте прибывает свидетельни-

да по важному делу, которая в скором времени может стать подсудимой по этому же делу. Не могли бы вы оказать помощь в задержании? – спрашивает Джемесон Вин, но в его вопросе совсем нет этого самого вопроса, скорее утверждение.

Его предложение мне совсем не нравится, и я перевожу взгляд на самолёт, к которому уже подгоняют трап, и киваю. Мне совсем не хочется влезать в подобные дела, но это моя работа, и сотрудничество с полицией входит в мои обязанности. Хотя за все годы, что я работаю в аэропорту, ко мне с подобным подходят в первый раз.

– Что я должна сделать? – вопросительно приподнимаю я бровь, но на полицейских даже не смотрю. Всё мое внимание приковано к воздушному судну Boeing 737—800. Мой любимый самолёт, не самый маленький и не самый большой. Я начинаю двигаться, а полицейские не отстают от меня. Капитан Вин идёт вровень со мной, а его подчинённые – на несколько шагов позади нас. Я слушаю его внимательно, хотя стараюсь и не вдаваться в подробности.

– У нас её копия паспорта с фотографией, поэтому нам необходимо досмотреть все паспорта прилетевших женщин, – на полном серьёзе говорит капитан и останавливается возле трапа, давая мне пройти первой.

Я же просто не могу поверить своим ушам. Неужели он серьёзно? Я нервно сглатываю и представляю себе всю эту картину. Как на борту скапливается очередь, а полицейские

досматривают паспорта женщин. Только женщин. Мои глаза начинают бегать в разные стороны точно так же, как и мысли, и только звук открывающейся двери самолёта выводит меня из транса, и я уже понимаю, как буду действовать дальше. Я медленно, но уверенно поднимаюсь по ступенькам и лучезарно улыбаюсь девушке-бортпроводнице, которая с такой же улыбкой приветствует меня в ответ.

Она обаятельная блондинка около 170 сантиметров роста с огромными глазами, которые обрамляют длиннющие, наверняка наращённые ресницы. Губы с розовым блеском выглядят неестественно, и, наверное, только красивая форма и элегантные туфли на невысоком каблуке выдают в ней бортпроводницу, а не дешёвую проститутку. Может быть, это жестоко, но её внешний вид сам говорит в пользу такого мнения. Волосы собраны в высокий конский хвост, хотя я почти уверена, что им запрещено носить подобные причёски на работе. Я отмечаю её длинные наращённые ногти, покрытые лаком невероятного розового цвета, хотя наверняка и это запрещено правилами авиакомпании, в которой она работает. Я всегда удивлялась, как компании нарушают свои правила ради вот таких вот особ. Но это не моё дело. Я лишь мысленно упрекаю её в расхлябанности и продолжаю улыбаться.

Мы обмениваемся информацией о прибывшем рейсе и количестве человек на нём. Кивая в сторону запертой двери кабины пилота, мысленно задаю вопрос, кто сегодня ка-

питан и есть ли у него во лбу звезда.

Наверное, это звучит глупо, но каждый человек считает свою работу очень важной и ответственной. Пусть ты уборщица, продавец, секретарь или пилот. Ты выполняешь важную работу, от которой зависит всё дальнейшее. Я честно преклоняюсь перед пилотами и искренне считаю их очень серьёзными и умными людьми. Но всё же людьми. Поэтому всегда убеждаю себя в том, что ты в первую очередь должен оставаться человеком: приветливым, обходительным, обаятельным и по возможности милым. Хотя бы ты должен уметь сыграть эту роль достаточно убедительно. Многие умеют играть так, а многие даже не хотят попытаться. Поэтому я делю людей, и, в частности, пилотов, на две категории: звезда во лбу и без звезды. Те, кто принадлежит первой категории, отличаются заносчивостью, тщеславием, желанием находиться впереди всех и всего и нежеланием идти на уступки, даже когда неправ. Что до второй категории, то это именно те, кто либо хорошо играет свою роль обаятельного человека, либо действительно таковым является. Что есть правда, неважно, ведь я всё равно в выигрыше.

– У меня к вам просьба, – киваю в сторону стоящих под трапом полицейских, – объявите по громкой связи о том, чтобы женщины приготовили паспорта, они обязаны пройти проверку, которую организует полиция.

Я вижу, как бортпроводница вопросительно приподнимает бровь и уже собирается меня спросить обо всём, но я лишь

выдавливаю улыбку и одними губами произношу: – Объясню позже. Киваю полицейским, и они в считанные секунды оказываются возле меня. Я внимательно слушаю, как звучит объявление о том, что необходимо приготовить паспорта.

Мы начинаем высаживать пассажиров. Продолжаю стоять в дверях и напоминать о паспортах. Медленно, человека за человеком полицейские осматривают паспорта и разрешают спускаться в автобусы. Я всего лишь наблюдаю, но вижу недовольство и недоумение на лицах людей и прекрасно их понимаю, но не имею права говорить, в чём тут дело.

Когда на борту не остаётся никого, я смотрю на изумлённые лица полицейских. Пожимаю плечами и беру в руки список прилетевших.

– Давайте я посмотрю, вылетала ли она вообще из Сиэтла? – я забираю ксерокопию паспорта из рук одного из офицеров, даже не получив ответ, и начинаю просматривать фамилию за фамилией.

Нет. Ни одного совпадения. Я отдаю копию и пожимаю плечами с лицом сожаления.

– Боюсь, что она даже не вылетала в Денвер. Сожалею, капитан.

Он улыбается в ответ и даёт знак своим подчинённым спускаться. Не говорит ни слова, но от его улыбки мне становится как-то теплее на душе. Я даже хочу подойти к нему и что-нибудь сказать, но не решаюсь и остаюсь в самолёте, смотря, как он удаляется, ни разу не обернувшись.

Из транса меня выводит кашель бортпроводницы. Ну конечно, как же без неё. Я смотрю в её огромные глаза, и мне немного не по себе. Кажется, даже мурашки пробегают по спине от её зловещего внешнего вида. Ну, точно, де-вушка из эскорта.

– Вы досмотрели борт? – интересуюсь я и заново данные о времени высадки пассажиров в свой отчёт. Она кивает, но я замечаю движение на кресле первого ряда бизнес-класса и отдёргиваю шторку.

Сначала смятение, затем удивление проскальзывают по моему лицу. Я даже чувствую, как мои щёки наливаются румянцем, и я опускаю глаза в пол. Лишь мои губы произносят: – Фабиан. Я даже не понимаю, вслух ли я произнесла его имя. Скорее чувствую, чем вижу, как он поднимается с кресла, чувствую как уголки его губ приподнимаются в улыбке и глаза смотрят на меня. Лёгкое дуновение подсказывает мне, что его пальцы оказались в волосах и взъерошили их. Но я так и не решаюсь произнести ни слова. Не знаю почему, но мужчина, которого встречаю второй раз в жизни, производит на меня очень сильное впечатление. Он настолько красив, что мне даже кажется, в его присутствии всё становится красивее.

– Мисс Грин, какой сюрприз, – громко произносит он и оказывается совсем близко ко мне.

Я нервно сглатываю. Чувствую запах его одеколона или это крем после бритья. Хотя какая разница? Он пахнет

так же великолепно, как выглядит. Я медленно поднимаю глаза и оцениваю его внешний вид. Идеально вычищенные чёрные ботинки, серые брюки, идеально подчёркивающие его ноги, я уверена, что сзади он так же великолепно выглядит. Далее белая хлопковая рубашка и серый жилет в тон брюкам, и виден чёрный тонкий галстук.

Наконец мои глаза останавливаются на его нетронutom несколько дней бритвой подбородке, пухлых губах, немного покусанной нижней, отчего она кажется немного больше и розовее верхней. Небольшом носе, огромных глазах, но они, несмотря на мои мысли о реальном цвете его глаз, всё же остаются чёрными. Его взгляд будто раздевает меня, и я чувствую себя какой-то незащищённой. Я смотрю, не отрываясь и, кажется, даже затаила дыхание. Так не хочу нарушать этот момент. Идеальный. Он кажется ещё красивее, чем я запомнила: коротких волос не касались гелем, и оттого они кажутся шелковистыми. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то нарушил творческий беспорядок в его волосах и, мне кажется, в его глазах. В них есть что-то такое, отчего мои ноги подкашиваются. Но лишь мысль о том, что я на работе, не даёт мне упасть перед ним.

– Я вру. Мне очень стыдно, – произносит, смеясь, Фабиан и снова запускает пятерню в волосы.

Он выглядит немного нелепо в такой позе и не кажется взрослым мужчиной, а скорее провинившимся подростком. Но эта улыбка, ради неё наверняка можно простить всё что

угодно.

– Я знал, что вы будете здесь, поэтому и выбрал именно этот рейс. Утренний, – поясняет он, а я ещё больше краснею и понимающе киваю.

Хотя не уверена, что понимаю, о чём он говорит. Зачем я ему понадобилась? Неужели?

– Мне хотелось с вами увидеться, чтобы убедить работать в «ББА». Вы идеально подходите, – он поправляет жилетку и галстук.

Задевая меня плечом, немного отодвигает в сторону и достаёт свою дорожную сумку, которая лежит возле кресла. Улыбка не сходит с его лица, в то время как я сменяю неуверенность и скромность на недоумение и разочарование. Значит, просто работа? Ну и пошёл он тогда. Мысленно посылаю его я и отступаю ещё дальше, к другому иллюминатору, давая ему место для того, чтобы развернуться. И только сейчас замечаю, что за нами наблюдают. Большие ярко накрашенные глаза бортпроводницы мечутся от меня к Фабиану и обратно, её рот даже немного приоткрылся от изумления.

– Не могли бы вы подвезти меня к терминалу? Не хочу отвлекать вас от работы, но хочу поговорить, – вроде спрашивает меня Фабиан, но я не успеваю ответить отказом, как он, улыбаясь ещё шире, прощается с экипажем, благодарит бортпроводницу, говоря ей комплименты, и направляется к моей служебной машине.

Я даже не удивляюсь тому, что он знает, куда идти, но эта

невозмутимость и нежелание слушать мой ответ просто выводят меня из себя. Я продолжаю стоять вот так, пока голос поднявшегося на борт техника не выводит меня из очередного за этот день транса.

– Если экипаж готов, нам надо отогнать самолёт на дальнюю стоянку. Ведь он вылетит в Сиэтл только сегодня ночью, – говорит молодой техник Майк и смотрит на меня, немного не понимая, что происходит.

Я выгляжу растерянной, но я тем и хороша в своей работе, что умею быстро переключаться. И вот через минуту я уже общаюсь с пилотами из категории «звезда во лбу». Отдаю распоряжения относительно заправки и уборки, жду автобуса для экипажа, который отправляется в гостиницу, чтобы отдохнуть. Через 23 минуты, как всегда, ровно по моему времени все поля моего отчёта заполнены.

– Так откуда вы знаете мистера Лина? – как бы между прочим интересуется эта самая блондинка, которая успела распустить свой хвост, расстегнуть несколько пуговиц на блузке и выглядеть ещё более распутной. Хотя мне казалось, это просто невозможно.

Я приглядываюсь к бейджу, висящему на её шее, и читаю имя. Китти. Ну естественно. Она могла стать ещё дешевле только с таким именем как у настоящей стриптизёрши. Понимаю, что немного некрасиво оценивать человека по внешнему виду, всё же не могу себе отказать в такой малости. Ведь она наверняка тоже успела оценить меня. Не дождав-

шись моего ответа, она продолжает.

– Он невероятно красив. От таких мужчин захватывает дух. Он ещё и богат. Мистер идеал, – шутит она, и раздаётся громкий смех, который очень неприятен моим ушам. Такое ощущение, что скребут ногтями по стеклу, у меня даже мурашки по спине пробегают. Понимаю, что нужно срочно убираться с самолёта. Его фамилия Лин. И он богат. Что же он тогда делает в «ББА»?

Я спускаюсь с самолёта, слежу, как техник закрывает дверь, и наконец, оказываюсь в своей машине, которая пропитана запахом Фабиана Лина. Он занят в своем новеньком iPhone и даже не обращает внимания на меня. Даже не знаю, обидно ли мне. Скорее я всё ещё в полном недоумении от его поведения и всё ещё не понимаю, что он за человек, хотя талант понимать людей у меня с рождения. Отец говорил, что мне нужно работать не в авиации, а психиатром или на крайний случай психотерапевтом.

– Вы хотели со мной поговорить? – бросая как бы между делом, я вставляю ключ в замок зажигания.

Не рискую смотреть на него, но чувствую, как он перевёл взгляд со своего телефона на меня. Скользнул взглядом с волос на ухо, затем на плечо, на котором через немного просвечивающую ткань шёлковой блузки видна ляпка персикового цвета бюстгалтера. Он останавливается на плече, но так и не произносит ни слова. Ехать немного, но я чувствую, как напряжение между нами нарастает.

Машина движется плавно, и моё внимание полностью сосредоточено на дороге. Ехать совсем недолго, не больше минут пяти, но я упорно не даю на газ, чтобы эта дорога стала гораздо длиннее. Я понимаю, что не должна так поступать, но всё же делаю, чтобы ещё немного времени побыть с ним наедине, вдыхать аромат его одеколона и чувствовать на себе его взгляд.

– Я знаю, что Эм предлагает вам место в компании, полностью сосредотачивая вашу деятельность на аэропорту Денвера, – нарушает тишину Фабиан, и я поворачиваю в его сторону голову и киваю.

– Но мне бы хотелось предложить вам нечто другое. Не хочу раньше времени раскрывать карты, но это работа, основанная на путешествиях по всему миру, которые будут вам оплачены вместе с проживанием и питанием, безусловно. Я уверен, что только вы подходите на эту должность, Алиса, – протягивает в конце моё имя он и лучезарно улыбается, так, что внутри меня растекается тепло.

Даже не верится, что один человек может подарить столько тёплых чувств, всего лишь находясь рядом. Я вновь перевожу взгляд на дорогу и понимаю, что до терминала осталось не больше каких-то ста метров. Мне даже становится грустно оттого, что скоро он покинет мою машину и, быть может, мы больше не увидимся. Его слова зародили в моей душе надежду, но я понимаю, что для него важнее работа, мой профессионализм, а не моя внешность, и про напряжение, воз-

никшее между нами, стоит забыть. Если он того хочет, я могу стать исключительно профессионалом в общении с ним.

– Мне очень лестно, мистер Лин, – чётко и даже резко выговариваю я, – но я вынуждена заранее отказаться. Сегодня последний день, когда я должна дать ответ на предложение «ББА», и я собиралась его принять. Работа в Денвере для меня важна. Здесь я дома, и вряд ли что-то способно переубедить меня и заставить путешествовать по миру, – я почти верю собственным словам. Наверное, это странно, ведь все мечтают путешествовать по миру. Смотреть что-то новое, учитывая, что тебе это будут оплачивать. Но я не любительница перемещаться, единственное мое путешествие – это Таллахасси-Денвер и обратно, когда я хочу увидеться с отцом и мачехой. Я бывала в Сиэтле, Вашингтоне, Майами, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, бывала и в более маленьких городах. Но за пределы США я не выезжала, и пусть у меня и было небольшое желание увидеть мир, я всегда боялась летать, а этот страх больше, чем желание путешествовать. Все мои друзья были в Денвере, учёба была в Денвере, я хожу на вечерние курсы в колледже, чтобы не быть уж совсем необразованной. Здесь мой дом.

Я резко остановила машину, даже не собираясь смотреть на Фабиана. Его предложение звучало лестно, и, наверное, каждая девушка приняла бы его, не раздумывая. Но я не каждая.

– Добро пожаловать в Денвер, – весёлым голосом про-

изношу я, хотя на самом деле совсем не рада и тем более не счастлива. Я только что отказала мужчине, которому не думала, что когда-нибудь скажу «нет».

– Я не приму от вас отказа, Алиса, – слишком жёстко проносит Фабиан и кладёт свою руку поверх моей.

В его глазах горит огонь, и если я и не хотела смотреть на него, то он буквально подчинил мою волю своему желанию, и я не могла не смотреть.

– Никогда, – ещё более жёстко произнес он.

Я чувствую, как большой палец гладит мою кожу, чувствую, как внутри всё буквально закипает от его таких лёгких прикосновений ко мне. Пусть это нельзя увидеть, но желание, которое он разбудил во мне, ощущается в воздухе. В этой машине.

– Я сделаю так, что вам придётся принять моё предложение, Алиса, – в его голосе угроза, и я нервно сглатываю, выдёргиваю свою руку из-под его и провожу пальцами по тому месту, где только что касался меня он. Почти ожог, я почувствовала не удовольствие, а пронзающую боль. Мне совсем не хотелось чувствовать её. Но слова заставляли меня бояться его. И не желать больше видеть никогда.

– Думаю вам пора, Фабиан, – бросаю я слова и в первый раз действительно хочу, чтобы он ушёл. Чтобы оставил меня одну со своими мыслями, – и надеюсь, мы больше никогда не увидимся. Это будет хорошо для меня и для вас тоже. Никто и никогда не смеет мне указывать, что мне делать в моей

работе и всё, что с ней связано, – уже практически кричу я.

Вижу, как он встряхивает головой, забирает с заднего сиденья дорожную сумку, открывает дверцу и медлит какие-то насколько секунд, глубоко вдыхая пропитанный желанием воздух. Но эти секунды кажутся мне вечностью, за которую я могу сдать.

– Мистер Фабиан Лин Бойл, – усмехаясь, произносит он и покидает мою машину, шумно хлопнув дверью.

Мои глаза раскрылись ещё шире. Я вцепилась в руль так сильно, что даже костяшки пальцев побелели. Я не ослышалась. Он Бойл.

Сейчас, оставшись в машине одна. Когда часы показывали начало 11-го. Я была уверена только в одном. Он не бросает слов на ветер и, безусловно, испортит мне жизнь.

Сидя в своём офисе, я ещё не до конца понимаю, что произошло. На мониторе открыто письмо, и только логотип внизу письма доказывает, что оно из «ББА» и это не шутка. Чуть раньше я сидела в офисе директора аэропорта, который приветливо улыбался, а на самом деле готовился вонзить мне в горло или спину нож, не знаю, что ближе к тому поступку, что он совершил. Уволил. Я прокручивала в голове его слова и не могла поверить в реальность происходящего.

– Алиса, дорогая, – начал он, и я тут же почувствовала что-то неладное.

– Ты знаешь, что я очень хорошо к тебе отношусь, и ты буквально вытащила аэропорт из плачевного состояния, бла-

годаря тебе теперь всё работает как часы, а инновационные идеи, которыми ты поделилась, теперь используются в других аэропортах, – он прочистил горло и сделал глоток воды, хватаясь за стакан немного дрожащими пальцами, что вновь дало мне ясно понять, что он нервничает и готовится преподнести неприятные новости. Но я не хотела помогать ему и благодарить, просто покорно сидела, смотря на него и не произнося ни слова.

– Но сейчас я буквально вынужден с тобой попрощаться. Не сочти это увольнением, а скорее это для тебя шаг вперед, в будущее. Я знаю, что тебе предложили работу в «ББА», и я рад за тебя. Поэтому отпускаю со спокойной душой, – он попытался улыбнуться, но выглядело это неправдоподобно.

Мне почему-то казалось, что здесь совсем другое, но пока не была уверена в том, что понимаю, в чём конкретно дело. Я всегда относилась к нему как к наставнику, как к человеку с таким опытом. Когда я в первый раз увидела его, тогда он был просто Майклом, я поняла, что знаю, на кого хочу равняться в работе. Сейчас ему немного за пятьдесят, и лишь седина на висках показывает его возраст. На лице практически нет ни единой морщинки, а серые глаза, всегда такие добрые, сейчас смотрели на меня слишком нервно, его взгляд метался.

– Твоя замена будет уже через два дня. Всего хорошего, – он встал из-за стола, явно показывая, что наш диалог закончен, но я ещё не была уверена в том, что правильно поняла,

что произошло.

Все и так знали, что мне предлагают работать во множестве других компаний и аэропортов, но никогда меня вот так просто не отпускали, Майкл даже настаивал на том, чтобы я не уходила, и хотел повысить зарплату, чтобы не было соблазна. А сейчас вот так просто? Но я решила ничего не спрашивать и лишь кивнула головой, давая понять, что я согласна и у меня нет ни единого желания говорить.

Я собиралась тут же написать письмо в «ББА» и согласиться на работу, но когда открыла e-mail, обнаружила письмо от Эмили Браун, присланное несколько минут назад:

«Уважаемая мисс Грин,

в связи с тем, что в ответ на наше предложение о должности директора по оперированию не было получено вашего согласия, мы сообщаем, что данная должность была предложена другому кандидату.

В данный момент других должностей для рассмотрения вами мы не имеем.

Спасибо за внимание к нашей компании и удачи в любых начинаниях.

С уважением, Э. Браун»

Мне даже показалось, что у меня начали дрожать руки. Вот так к вечеру я лишилась и настоящей работы, и вероятной будущей. Я даже не поняла, как это могло произойти.

Почему в «ББА» от меня отказались и почему меня отпускают из аэропорта, в котором я проработала почти три года? Не понимаю. Откинувшись на спинку стула, я закрыла глаза и пыталась дышать как можно ровнее. За окном уже давно стемнело, осталось несколько вечерних рейсов, но все в административном центре уже покинули свои офисы и направляются по домам. К своим семьям.

Мне почему-то резко захотелось домой, к отцу, который обнял бы меня и сказал, что я не сделала ничего плохого. Ещё несколько часов назад я думала, что у меня всё замечательно и, пусть придётся отказаться от денег, я останусь в аэропорту, который обожаю. А теперь у меня не осталось ничего. В офисе был выключен свет, и мне хотелось бы, чтобы и меня здесь больше не было. Я не знала, что буду делать дальше. Умолять о работе я бы не стала ни Майкла, ни «ББА» тем более. Но я могу остаться вообще без ничего.

Я взяла свой старенький телефон со стола, чтобы набрать Еву и рассказать, что же произошло сегодня, как незнакомый номер высветился на экране. Я несколько секунд смотрела, пытаюсь понять, кто же звонит мне в такое время на телефон, который знают лишь близкие, звук был выключен, и только экран телефона освещал комнату. Я хотела дождаться, пока звонок упадёт в голосовую почту, но решила узнать, кто же пытается дозвониться мне.

– Я же сказал, что не готов получить отказ от тебя, – ласковый голос будит во мне совсем не приятные чувства. И по-

чему я сразу не поняла, чьих рук это дело? Вот так запросто разрушить мою жизнь. Видимо, для него это ничего не значит.

– Так это вы, мистер Бойл, сделали так, чтобы я улетела в Таллахасси ближайшим рейсом? Ну что же, спасибо, – выдавила я из себя свой самый приветливый голос и даже смогла поблагодарить этого человека.

Не то чтобы я собиралась улетать домой и бросать вот так всё, нет, это не в моём характере, Грин так просто не сдаётся. Я ещё поборюсь, но мне, честно говоря, очень хотелось позлить его и доказать, что он не может приказывать мне и подстраивать под свои желания и прихоти.

– Не понял, – откашлялся в трубку Фабиан, я даже через расстояние почувствовала, как опускаются его плечи, а глаза прикрываются от шока, ведь таких слов он явно не ожидал услышать.

– Как в Таллахасси? – уже менее уверенно произнёс он, и явно гораздо тише, чем предыдущие победоносные слова. Мое существо злорадствовало.

– Я лишилась работы и предложения о работе, больше в Денвере меня ничего не держит, так что я могу вернуться к отцу и помогать ему в магазине, – почти не злорадствуя, произнесла я, – спасибо.

Вновь благодарность, и я даже уже не выдавливала её, хотя это уже была признательность за то, что он, не произнося ни слова, всё же чувствовал сожаление о содеянном, я поня-

ла это по голосу. Я буквально чувствовала, как он дышит, и волоски на моей шее зашевелились, как только я представила его дыхание рядом с собой. Нервно сглотнув, я приготовилась к новой порции его самодовольства.

– Но я совсем не этого хотел, – едва слышно произнёс он, и я представила себе, как его рука погружается в тёмные волосы и нервно зачёсывает их назад, – я хотел, чтобы ты согласилась на работу у меня, а не уезжала за тридевять земель работать в магазине отца, – я почувствовала презрение в его голосе и даже не разобралась, в кого из нас оно обращено или это в адрес моего отца и его магазина?

– Я хочу, чтобы ты работала на меня, со мной, – гораздо громче произнес он и задышал в трубку так громко, что я практически видела, как раздуваются его ноздри в гневе, – ты поступишь так, как я хочу? – практически крикнул в трубку Фабиан.

– Мистер Бойл, в первую очередь, я к вам отношусь и обращаюсь уважительно, прошу и вас соблюдать субординацию. Вы можете обращаться ко мне по фамилии, – произнесла я и нервно выдохнула в бок, чтобы на той стороне он не почувствовал, как у меня внутри всё сжалось от одного его голоса.

– Во-вторых, ещё утром в машине я сказала, что никогда не делаю то, что мне приказывают, если не хочу этого, особенно в части, касающейся моей жизни, – эти слова обжигали мне горло, потому что я была раздавлена человеком, ко-

торый меня даже не знал. Он предлагал мне весь мир, работу, деньги, но мне на самом деле хотелось от него совсем другого. Я совсем не хотела видеть его своим боссом, а он буквально заставлял меня стать его подчинённой. Но он оставался моим единственным вариантом по работе сейчас, хотя, скорее всего, завтра я уже могла бы найти себе другое место в какой-нибудь авиакомпании.

– Ну и, наконец, мистер Бойл, я никогда не стану работать ни на вас, ни с вами. Ничто меня не заставит встретиться с вами ещё раз. И кстати, удалите мой телефон из своей памяти и никогда не звоните на него. Никогда! – выкрикнула я и бросила трубку, отключив телефон окончательно. Единственное, что я успела услышать от него.

– Это мы ещё посмотрим, мисс Грин.

Я осталась одна в своём тёмном кабинете. Без работы и без единого шанса получить желаемое. Тот человек, что снился мне две недели назад и приходил ко мне во сне все эти дни, который во сне был нежен и ласков со мной, только что разрушил мою жизнь и даже не извинился. Я была права в отношении его и уверена, что никогда не стану работать с ним. Мы не увидимся больше.

Но почему, несмотря на убежденность в своей правоте, я чувствовала себя такой опустошённой и несчастной?

Глава 3

Невозможно скучно. Я осматриваю аудиторию вечернего класса. За исключением меня и ещё пары студентов, у всех открыты ноутбуки, и они внимательно впечатывают каждое слово, произнесённое профессором. Но я слишком измучена, не занимаясь ничем весь день, мне даже лень писать лекцию по экономике в своей милой тетради с медведями. Перевожу взгляд на девушку, сидящую передо мной. У неё розовый ноутбук, розовый лак для ногтей, и, конечно же, она блондинка. Я не знаю почему, но подсознательно ненавижу всех блондинок, кроме одной. Но Еву и блондинкой-то нельзя назвать, она скорее всех цветов радуги. Вновь утыкаюсь в тетрадь и прикрываю глаза. Сейчас только 18:23. Впереди ещё полтора часа лекций, а я уже буквально засыпаю. Чувствую, как тяжелеют мои веки, и практически ложусь на парту, но чувствую резкий толчок в бок. Лениво поворачиваю голову и расплываюсь в улыбке.

– Тебе не кажется, что сегодня мистер Незнакомец выглядит особенно прекрасно? – взъерошивая короткие волосы и расплываясь в ответной улыбке, обращается ко мне Ева.

Я не успеваю ответить, как она немного вскрикивает, когда Брэд, парень, что сидит сзади, тыкает её ручкой в спину. Она бросает грозный взгляд и возвращается ко мне, но уже не ждёт от меня ответа. Я даже не заметила, как она пришла,

но это её удивительная способность. Я улыбаюсь и перевожу взгляд на нашего профессора.

Мы зовём его «профессор Таинственный Незнакомец»², таковым он и является. В первый день, как он начал преподавать у нас, количество девушек на потоке увеличилось в несколько раз, и кроме меня и Евы тут теперь присутствует ещё десяток прикованных лишь к профессору девичьих глаз. И я, кстати, их абсолютно не виню. Мало того, что он привлекателен внешне: высокий, немного худощавый, но видно, как накачаны руки и ноги, светлые волосы падают на лицо, а голубые глаза не могут не привлечь внимание. У него немного с горбинкой нос, а над верхней губой виднеется шрам, наверняка оставленный ему в память о какой-нибудь драке. Он всегда одет в идеальный чёрный костюм, подобранный в цвет глаз галстук и светло-голубую рубашку. Ботинки идеально вычищены, и только старый потрёпанный чёрный портфель выдаёт в нём профессора.

Мы придумали ему прозвище, потому что за день до нашего знакомства посмотрели фильм Вуди Аллена, ну и к тому же его фамилия сама напрашивалась на прозвище. Профессор Дэвид Стэнджер³. Я как сейчас слышу его приятный мелодичный голос, представляющийся и рассказывающий о том, что нам предстоит узнать в ходе курса лекций в ближайший семестр. Он был великолепен, и даже я не мог-

² Фильм Вуди Аллена «Однажды ты встретишь таинственного незнакомца».

³ David Stanger, в английском игра слов: Stranger – незнакомец.

ла отрицать этого.

– Не заметила ничего особенно, – хмыкаю я в ответ и укладываю голову на сложенные руки. Я не горю желанием обсуждать великолепие нашего профессора и тем более не расположена вообще общаться сегодня. За что я люблю Еву, так это за то, что она всегда понимает, когда нужно остановиться и дать мне немного подумать и помолчать в первую очередь.

Я прикрываю глаза и продолжаю слушать приятный голос, рассказывающий о цикличности экономики и как можно исходя из этого предсказать ситуацию на ближайшие несколько лет. Если бы в жизни всё было так же просто, как в экономике, я бы не чувствовала себя абсолютно опустошённой. Я уже чувствую, как погружаюсь в сон, но вновь толчок в бок возвращает меня в реальность. Лениво приоткрываю один глаз и смотрю на Еву. Вижу, как приподнимается одна её бровь, глаза пронизаны удивлением, и я чувствую: что-то произошло. Поднимаю голову и оглядываюсь. Все, буквально все смотрят на меня. Чувствую, как по щекам растекается румянец, и я нервно сжимаю подол своей юбки под столом. Что-то тут не так.

– Мисс Грин, не могли бы вы подойти в мой кабинет после окончания лекции? – выводит меня из ступора голос профессора, и я неловко киваю.

Оставшиеся полтора часа я упорно делаю вид, что ничего не произошло, стараюсь смотреть только в тетрадь и записы-

вать каждое слово.

Я застыла возле двери из тёмного дерева с маленьким окном из непросвечивающего стекла, на которой красовалась надпись, выведенная золотыми буквами: «Профессор Д. Стэнджер». Мне не нравилось моё присутствие в тёмном коридоре опустевшего крыла преподавателей, но деваться абсолютно некуда. Не зная своей вины, не имея ни малейшего представления о причинах, принёсших меня сюда, я не решилась постучать, хотя лекция закончилась около получаса назад. На вопрос, что же меня задержало, я уже придумала около десяти отговорок, которым нельзя было не поверить, хотя ни в одной из этих версий не содержалось даже маленькой доли правды.

На самом деле я стояла на улице на крыльце возле входа в корпус и трусила. Да, как маленькая школьница перед визитом к директору, я трусила перед походом к какому-то преподавателю. Но он не «какой-то», как мне хотелось бы думать, и я старалась себя в этом убедить, он лучший преподаватель, что был у меня, и я сделала что-то не так.

Чувствуя вину, я уже взялась за спасительную «последнюю» сигарету, которая всегда лежит в запасном кармашке моей сумке. Я не курю и никогда не была пристрастна к этому занятию, но всегда знала, что рано или поздно придёт тот день, когда мне захочется закурить, и что-то подсказывало, что сегодня такой день. Но так и не достав сигарету из сумки, я вошла в пустынное помещение и почувствовала ещё боль-

ше вины за своё неподобающее поведение. Ему приходится оставаться в своем кабинете ради меня, а я так и не могу войти.

Тихий стук в дверь.

Не привыкнув к яркому свету кабинета, я нерешительно ступила вглубь небольшой комнаты, заставленной книгами, и дверь позади меня хлопнула.

– Мисс Грин, я жду вас уже полчаса. Надеюсь, у вас была веская причина, чтобы задержать и себя, и меня? – лицо профессора осталось непроницаемым, и я даже не поняла, ждёт ли он от меня ответа на поставленный вопрос.

Но даже если бы и ждал, вряд ли бы его получил. Если бы я могла открыть рот от изумления и восхищения, не породив в голове профессора мысли о моём идиотизме, я бы наверняка это сделала. Раньше я видела его только в пределах аудитории, только безукоризненным профессором с идеальной причёской, в идеальном костюме и с невыносимо правильной речью. Но сейчас это был другой Таинственный Незнакомец, и он мне нравился куда больше. Даже ноги подкосились от увиденного.

Пиджак висел на большом коричневом кожаном кресле, потрёпанный портфель стоял возле стола. Рукава идеально выглаженной голубой рубашки закатаны до локтя, и я видела неровную поверхность накачанных рук. На одной руке виднелся конец красиво вытатуированного рисунка, но начало скрывала рубашка. Я только могла предположить, что мож-

но проследить изображение где-то в районе плеча или чуть дальше на лопатке, но была убеждена, что оно необыкновенно красивое.

Узел на тонком чёрном галстуке ослаблен, а пара пуговиц возле шеи расстегнута, и я видела волоски на его груди. Его причёска растрепалась и волосы падали на глаза гораздо больше. Но весь этот неидеальный образ делал его ещё красивее.

Незнакомец смотрел на меня сверху вниз, стоя всего в паре шагов от меня и прикусив нижнюю губу. От этой картины внутри меня всё перевернулось и отдалось по всему телу приятной волной возбуждения. Но это было что-то большее, чем воздержание больше четырех месяцев, он действительно выглядел великолепно, и любая женщина на моём месте не устояла бы. Впрочем, я, как всегда, «не все».

– Простите, профессор, – опустив голову, чтобы не смотреть в его большие голубые глаза и тем более не раздевать его взглядом, промямлила я, переминаясь с ноги на ногу. Но тут я заметила то, что не замечала никогда раньше. Его правая брючина как-то неуклюже подогнулась и открывала вид на его носки в разноцветную полоску. Непроизвольно улыбнувшись тому, что в таком идеальном человеке есть что-то неидеальное, я, наконец, расслабилась и, улыбаясь, заглянула ему в глаза.

– Простите, профессор, если сегодня на лекции позволила себе неподобающее поведение. Такого больше не повто-

рится. Просто я...

– Мисс Грин, – остановил меня он и указал на стул напротив стола, на который я в тот же миг села, он же оказался в своём огромном кресле, будто сделанном специально под его идеальное тело, – вы не сделали ничего особенного, просто ваша невнимательность немного смутила меня.

Профессор провёл рукой по волосам, вновь взъерошивая их и немного нелепо улыбаясь мне.

– Вы не часто посещали мои занятия за последние пару месяцев, а тут уже целую неделю приходите, но раньше вы хотя бы были внимательны и выполняли все задания, никогда не отвлекаясь, – он покачал головой, но рукой показал, что я должна помолчать и дать ему договорить, а потом, может быть, он даст мне время защищаться.

– Но сейчас вы будто в другом мире, хотя будто и на моей лекции. Я не привык к невниманию, – он замолчал, будто не зная, что ещё сказать.

Я сидела, опустил глаза, и не могла даже придумать слов в защиту. Всё происходило именно так. С того момента, как меня уволили, и я осталась без любимой работы, прошло чуть больше недели, и вместо того, чтобы лежать в кровати и предаваться желанию себя пожалеть, я решила ходить на занятия и подтянуть то, что пропустила из-за работы. Но оказалось, что мне скучно.

Мы всё ещё молчали. Он смотрел на меня, я чувствовала, как его глаза скользят от моей макушки с непонятной

причёской в виде завитых в кудри волос, которые давно уже перестали быть таковыми, далее к моему лицу, разглядывая каждую мелочь на нём – большие глаза и накрашенные ресницы, родинку возле левой брови и маленький шрам от падения с лестницы в восьмом классе ниже правой. Он изучал мой нос с горбинкой после того же падения, и я чувствовала, как он считает количество веснушек на носу. Его взгляд скользнул к губам, которые, как всегда, подведены бледной помадой, потому что я всегда делаю акцент на глаза. Далее он изучал серебряный кулон на моей шее, хотя их там несколько и сложно понять, что каждый для меня значит. Я чувствую, как его пальцы сжимаются, когда глаза изучают голубую блузку из шёлка, которая идеально подчёркивает все достоинства и скрывает недостатки, которые ненавижу в себе. Мне даже показалось, что он закусил губу и глубоко вздохнул, когда глаза опустились на мою грудь. Всё это время я чувствовала, как бьётся моё сердце, удар за ударом, как вздымается моя грудь. Ситуация может выйти изпод контроля если мы проведем еще хотя бы пару секунд наедине. Но он резко выпустил воздух из лёгких, и мир вновь зашевелился. Я услышала, как тикают часы на противоположной стене, как за окном проехал мотоцикл одного из студентов.

Я подняла глаза на него.

– Твоя грудь выглядит просто идеально в этой блузке, – его тихий, абсолютно спокойный голос нарушил наше молчание.

Мне даже показалось, будто он начал читать лекцию, если бы не эти слова. В горле образовался ком, а глаза расширились от удивления. Неожиданно в одно мгновение появились мысли, много мыслей, и я не могла сконцентрироваться ни на одной. Как? Что? Почему? Я металась между вопросами и недоумением, между желанием наброситься на него, поцеловать и дать оплеуху за подобные высказывания. Но единственное, что я могла, – неуклюже поёжиться в кресле, открывать рот, как рыба, не в силах вымолвить и слова, уставиться на него, раскрывая глаза на максимально возможный радиус.

– Что? – наконец недоуменно проямлила я, – простите, профессор, я немного не поняла, что вы имели в виду.

Я старалась смотреть не на него, и с каждой секундой шок от услышанного сменялся удовлетворением вопреки моему желанию. Мне совсем не хотелось слышать такое, но оказалось, что после всего пережитого это было лучшее, что я могла услышать от Таинственного Незнакомца. Я нервно смяла кончик чёрной юбки-карандаш во вспотевшей ладошке.

– Ты меня прекрасно слышала, Алиса, – громко, даже слишком, произнёс профессор и улыбнулся. Так сексуально, что я уже не была уверена в правильности своего прихода и тем более в том, что продолжаю сидеть напротив него после окончания занятий.

– Ты не можешь отрицать того, что восхищаешься мной и моей внешностью, как я не могу отрицать желания поиметь

тебя, – его абсолютно серьёзный тон пугал меня. Происходящее походило на сделку, а не на испытание страсти и желания. Я отвернула голову, устремляя взгляд в окно и всматриваясь в тёмные тени, проходящие где-то вдалеке.

– Я могу отрицать, профессор Стэнджер. Вы мой профессор, и я отношусь к вам подобающе и прошу уважения и от вас, – мне хотелось выплюнуть слова ему в лицо, чтобы они оскорбили его, так как он оскорбил меня.

Всё желание будто испарилось, и комната, недавно пропитанная сексуальной энергетикой, теперь наполнилась моей неприязнью. Я встала со стула и поправила задравшуюся юбку.

– Не можете, мисс Грин, – он оказался возле меня так неожиданно, что я чуть не упала обратно на стул. Он так близко, что я задрала голову, чтобы видеть его глаза, и старалась дышать как можно ровнее, хотя это было невозможно сложно. От него исходил какой-то чарующий аромат одеколona и пыли. Я чувствовала усталость на его плечах, и мне хотелось прикоснуться и снять её. Только почувствовав вкус крови во рту, я заметила, как закусила нижнюю губу.

– Я уверен, вы можете многое. И я бы хотел узнать, что именно. Но сейчас вы не можете отрицать того, что хотите меня так же сильно, как я вас, – его голос звучал так ласково, мелодично, и его дыхание ласкало мне кожу.

Я чувствовала жар его тела, и мне невыносимо сильно хотелось прижаться к нему всем телом и ощутить его так близ-

ко, как только можно было. Но я не могла. Опустив глаза, я сделала шаг назад и упёрлась в стул, на котором только что сидела. Разглядывая свои туфли на невысоком каблуке, я считала трещинки на паркете его кабинета. Раз, два, три.

– Прошу тебя, – проговорил он, – не отрицай.

Дальше уже говорил не он, а его тело. Нас разделяли всего несколько миллиметров. Его рука коснулась моей, и наши пальцы один за одним переплелись. Другая рука аккуратно легла сначала на мою шею сзади, поправляя волосы, затем двинулась и оказалась на плече, убирая волосы назад. Пальцы ласкали мою щеку, нежно касаясь её. Мне казалось, я не чувствую его прикосновений, а придумываю их. Его глаза смотрели на меня, но мне чудилось, что он смотрит внутрь меня. Губы немного приоткрыты, и я хочу ощутить их вкус, их силу. Даже сама не понимая, что делаю, я прижимаюсь к нему ближе и закрываю глаза. Его губы в ту же секунду накрывают мои. Сначала нежно и ласково, пробуя вкус друг друга, затем он заставляет меня приоткрыть рот и проскальзывает туда, изучая меня. Я трепещу от его прикосновений. Наши руки всё ещё соединены, точно так же, как и губы не могут разъединиться. Моя рука прижимает его ближе, и я чувствую, насколько горячая у него кожа. Я бы хотела, чтобы это не заканчивалось. Но он нежно проводит пальцами по моей щеке и отстраняется, смотря мне прямо в глаза. Проводит большим пальцем по моей нижней губе и улыбается так, как я бы хотела, чтобы улыбался мужчина

после поцелуя, который ещё не скоро забудет.

– Я бы очень хотел узнать и попробовать всё, что вы можете, мисс Грин, – говорит он, и пусть хочет казаться серьёзным и собранным, я чувствую, как дрожит его голос, а глаза горят желанием.

Я стараюсь смотреть только в его глаза и не опускать их ниже, чтобы не увидеть желание, о котором он говорит, иначе я точно сдам оборону и отдамся в вечное рабство. Ещё секунды я стою на месте, боясь пошевелиться, и лишь наблюдаю, как он усаживается в своё кресло и запускает руку в волосы, удовлетворённо прикрывая глаза. Я пользуюсь паузой и его расслабленностью и буквально вылетаю из кабинета, хлопая дверью.

Я несусь к выходу, зная, что сегодняшнюю ночь я точно не буду спать. И лишь в голове моей крутятся не сказанные ему слова: Однажды я покажу тебе всё, что могу.

Я добралась до дома, ещё чувствуя вкус его губ.

Меня трясло в машине, несмотря на жару на улице даже в вечернее время. Я слушала любимую музыку по дороге домой, но она в первый раз в моей жизни не могла отвлечь меня от мыслей о нём. Как так получилось, что я целовалась с профессором в его кабинете и даже не думала уйти и никогда больше не видеть его? Но больше всего меня интересовало совсем другое. Как такой красивый мужчина, как Таинственный Незнакомец, мог смотреть на меня и желать меня? Меня. Я старалась понять это, надавливая на педаль

газа, но с каждым километром ближе к дому я становилась дальше от него, а значит, дальше от понимания того, почему именно я.

Открывая дверь, я знала, что войду в абсолютно пустую и тёмную квартиру. Ева собиралась отправиться в клуб и предлагала мне, но я не хотела танцевать и веселиться. Я мечтала залезть сначала в душ, а затем в свою кровать и в первый раз за неделю почувствовать себя в безопасности. Но сейчас я чувствовала себя совсем не так, как мечтала. Моё второе я негодовало от допущенной ошибки и о том, как я буду ходить на его лекции дальше.

В комнате было темно, и, бросив сумку на столик возле двери, сбросив туфли, я прислонилась к двери и закрыла глаза. Я чувствовала, как его губы накрывают мои, как руки ласкают кожу на моём лице, чувствовала его аромат, обволакивающий меня. Но всё это вымысел. В голове застучали молоточки. Неправильно. Глупо. Дура. Я прислушалась к внутреннему голосу. Тишина. Но кто-то усердно стучал. Резко раскрыв глаза, я поняла: что это не в моей голове, а за ней. В мою дверь активно молотит кто-то. Я уже хотела накричать на Еву, что она забыла свои ключи, рывком открыла дверь.

– Ева, ну сколько можно забывать ключи? А если бы меня не... – я не успела докричать свою лекцию, как поняла, что кричу совсем не на свою подругу.

Совсем недавно мои глаза расширялись от услышанного, но сейчас они раскрылись от увиденного. На пороге моей

квартиры стоял он – самый красивый мужчина что я видела в жизни.

– Фабиан, – выдохнула его имя я и отпустила ручку двери, пятясь назад в квартиру. Он наступал на меня, и когда мы оба оказались в темноте, он хлопнул входной дверью.

Он был единственным человеком, которого я меньше всего хотела видеть сейчас и вообще когда-либо. Мало того, что совсем недавно я целовалась со своим профессором, от взгляда на которого внутри закипал огонь желаний, так ещё и Фабиан стоял теперь тут. Я не успела разглядеть его, а сейчас мы оказались в темноте., лишь отдалённо понимая, где он находится. Я слышала, как он тяжело дышит, но не решалась включить свет. Неуверенность в том, что я смогу увидеть его чёрные глаза и остаться равнодушной, не давала мне сделать и шага. Я молчала точно так же, как и он. Вновь тишина, и она пугала меня ещё больше, чем в прошлый раз. Я даже не думала о том, что он делает в моей квартире и как нашёл её. А главное – зачем? Больше всего меня волновало, что я не могу оставаться спокойной рядом с ним. Ощущение на каком-то физическом уровне. Я чувствовала аромат его тела без одеколона. Просто Фабиан. Свежесть мыла и запах его кожи, видимо он приехал на машине, в нос ударял сильный запах салона новой иномарки, мне даже показалось, что я чувствую запах специй, но ещё не поняла, каких именно. Смотря в темноту, я ухватилась за край своей юбки, вновь крутя его в своих пальцах, как делаю всегда, когда нервни-

чаю.

– Что? – выдохнула я не в силах сказать что-то ещё.

Вопрос повис в воздухе, и я будто слышала его отголоски каждую секунду. Мне показалось, что он придвинулся ко мне гораздо ближе, во всяком случае, я слышала гораздо отчётливее его дыхание и стук его сердца. В этой тишине только биение его и моего сердца. Не знаю почему, но мне показалось, что я знаю его тысячу лет и могу вот так стоять и не видеть его, но просто знаю, что он рядом, совсем близко со мной и мы вместе. Но это лишь мой вымысел и какие-то неосуществимые фантазии. Я резко дёрнула рукой и нарушила этот миг.

В комнате зажётся свет.

Мы практически одновременно зажмурились и начали привыкать к свету. Я первая раскрыла глаза и стала внимательно изучать его. Сегодня передо мной не пилот авиакомпании, не бизнесмен, которого я встретила на самолёте. Не Фабиан Лин Бойл. Во всяком случае, мне хотелось думать именно так. Тёмные волосы взъерошены, и на них ни грамма геля. Глаза, всё такие же чёрные, изучали меня так же, как мои серые – его. На нём была обычная белая футболка, обтягивающая накачанные руки и грудь, а сверху синяя в клетку рубашка, закатанная до локтей. Синие джинсы, немного рваные, как это модно, идеально обтягивали его задницу, даже несмотря на то, что он стоял ко мне лицом, я знала это. Я буквально чувствовала, насколько идеальны его ягодичы

в этих джинсах. А на ногах были кеды Convers. И это поразило меня больше всего. Я почти всегда носила балетки или туфли на невысоком каблуке, но моей самой любимой обувью оставались именно кеды. Он выглядел просто бесподобно.

– Мистер Бойл, что вы делаете здесь? Как вас занесло в мою скромную обитель? Я не ожидала таких высокопоставленных гостей, как вы, а то достала бы семейный королевский фарфор и накрыла бы торжественный ужин, – процедила сквозь зубы я, ожидая обидеть, как и тем самым спровадить из моей квартиры.

Ненавижу, когда сюда врываются без моего приглашения, особенно те, кого я совсем не звала и никогда бы по своей воле не пригласила. Я будто забыла это молчание в тишине и его сердце, бьющееся как бешеное рядом с моим. Точно так же, как я не чувствовала больше вкус губ профессора на своих. Я уже почти не думала о нём.

Отвернувшись от незваного гостя, я переступила через свои туфли и включила свет в гостиной. Указала рукой мистеру Бойлу, что он может располагаться, а сама проскользнула в коридор и хлопнула дверью своей комнаты. Здесь, как всегда, царил беспорядок. Не заправленная кровать, вещи на комод, возле него, на постели и вообще везде. Решив не рисковать больше, я скинула юбку и блузку, бросив их на кровать, надела любимые джинсы голубого цвета с рваными коленями. Правда заключалась в том, что это были

не художественно сделанные дырки, а это я упала с лестницы и разорвала джинсы, что оказалось симпатично, и я решила ходить так. Сверху нацепила зелёную «боксёрку» и салатного цвета рубашку, точно так же закатав до локтя. Я осталась босиком, а волосы быстро собрала в невысокий хвост. Поправив макияж, вышла из комнаты и застыла в коридоре.

Плавно двигаясь, будто вальсируя, по периметру моей гостиной, Фабиан разглядывал фотографии. Вот он рассматривает ту, где я задуваю свечи на своем праздничном торте на восемнадцатый день рождения. А вот и та, где я играю с лабрадором моего первого молодого человека в парке. Гость настолько внимателен, будто просматривает мою жизнь, стараясь через эти фотографии понять меня. Но это невозможно. Не через те, что висят в гостиной на виду у всех. Кем являюсь я на самом деле, показывают фотографии, что висят в моей комнате. Ведь там есть снимки с ней. С моей мамой. Я облакачиваюсь на косяк и внимательно наблюдаю за своим гостем. Он так сосредоточен, что даже не замечает моего присутствия. Мне приходится громко откашляться и пройти на кухню, чтобы дать понять: что он больше не один.

– Не хотите ли чаю или, быть может, пива, вина? Кофе не предлагаю, а то ещё не заснёте ночью, – дразню его я и включаю чайник. Я ловко достаю чашки с верхней полки, чуть привставая на носочки. Наливаю немного заварки в одну из чашек и добавляю полторы ложки сахара. Чувствую,

как он следит за мной.

– Пожалуй, не откажусь от чая, – мне кажется, с улыбкой произносит он.

Я не замечаю, как он оказывается рядом со мной в тот момент, когда я беру чайник с заваркой и подношу к приготовленной для него чашке. Ловко обхватывая своими длинными пальцами моё запястье, он наклоняется вместе со мной вперёд, и из носика начинает литься коричневая ароматная жидкость.

– Не люблю крепкий, – чуть тише говорит он, касаясь губами моих волос. Я чувствую его сильное тело над своим, аромат его тела совсем близко, и я делаю глубокий вдох и будто погружаюсь в него с головой. Но так же резко, как подошёл, он и отходит от меня.

– Не надо сахара.

Я обескуражена. Не понимаю, что происходит. А главное, почему меня так тянет к нему. Всю неделю, что я была без работы по вине именно этого мужчины, я пыталась понять, почему же отказала ему. Причина была вовсе не в друзьях и семье, ведь они не держат меня, а напротив, как я думаю, желают самого лучшего. Я всегда мечтала путешествовать, а за чужой счет, выполняя любимую работу, о чём ещё можно мечтать? Я сама прекрасно знала, что поступаю глупо, отказываясь. И даже не то, как мне предложили работу, и не то, как ведёт себя сам мистер Бойл со мной, пугало меня. Я справлялась с людьми и похуже него. В итоге после откоро-

венного разговора с самой собой я поняла точную причину того, что не желаю работать с Фабианом. Для меня он был именно Фабианом, а не мистером Бойлом или мистером Лином, как его называли в аэропорту; если бы я согласилась на работу с ним, он стал бы моим начальником и не было бы ни единого шанса, что он может прижать меня к себе, с нежностью коснуться пальцами моей щеки, провести ими по губам и поцеловать их так, как до него не целовал никто раньше. Я хотела иметь возможность думать о том, что такое может быть. Однажды в будущем. Но мне нужен шанс.

Я доливаю кипяток и протягиваю ему чашку. Медленно обхожу стол и присаживаюсь на барный стул возле стойки, что отделяет кухню от столовой-гостиной. Медленными глотками пью чай и краем глаза наблюдаю за Фабианом. Я боюсь нарушить тишину. Не хочу, чтобы он говорил со мной так же, как в последний раз в машине или по телефону. Не хочу, чтобы он был боссом. Пусть хотя бы несколько минут побудет просто мужчиной, а я буду просто девушкой. Замечаю, как он смотрит на меня, и улыбаюсь. Мимолётная улыбка слетает с моих губ, как только вспоминаю, что всего час назад я целовала своего профессора, а теперь смотрю на Фабиана так, будто он единственный мужчина в этом мире. В этом вся я. Мужчины – моя слабость, моя страсть и моё проклятье. Глубоко вдыхаю. Считаю до пяти и вновь поднимаю глаза на незваного гостя. Он стоит, прислонившись к шкафу с посудомоечной машиной, внимательно изу-

чая собственное отражение в зеркале напротив. Мне кажется, наше молчание длится уже целую вечность.

– Мне не хотелось бы быть негостеприимной, но уже давно за полночь и я хотела бы оказаться в постели, – я осеклась.

Эти слова в моей голове звучали гораздо лучше, чем на самом деле. Я сразу поняла, как глупо было произносить что-то подобное и как это некрасиво и вульгарно звучало. Особенно слово «постель». От стыда на щеках расплылся румянец.

– Что вы, мисс Грин, вы очень гостеприимны, – явно насмехаясь надо мной, произнёс Фабиан, наконец отвлекаясь от своего отражения и посмотрев на меня.

Я понимаю, что он воспринял мои слова правильно, но также замечаю, что и потаённый смысл, который меня смутил, дошёл и до него, и не воспользоваться шансом поставить меня в неловкое положение он не мог. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой девочкой, а ни один мужчина, кроме моего отца, не внушал мне такие чувства. Мне не нравилось это. На восемьдесят процентов точно не нравилось.

– Но вы правы, я так и не объяснился, – он глубоко вдохнул и поставил чашку позади себя.

– Я хотел бы извиниться за то, как поступил с вами. Но я всего лишь хотел, чтобы вы согласились работать со мной. Вы не изменили своего мнения насчёт нас? – поинтересовался он, так что от его последних слов по моей спине пробежал холодок. Хотелось кричать, что я давно подумала о нас, что я

тысячу раз уже думала об этом и знала, что хочу. Но он предлагает мне совсем другое. А я никогда не нарушила бы правила субординации, даже если они и касаются наших с ним отношений.

Я прикрыла глаза, чувствуя, что в темноте мне проще с ним говорить. И будто уловив это, Фабиан щёлкнул выключателем, и комната вновь погрузилась во мрак. Я чувствовала, как его пальцы нежно прикасаются к моим и забирают чашку, его рука слегка коснулась моего бока, ставя её на стол. Пусть мы оказались в темноте, но в безопасности я себя совсем не почувствовала. Вставая со стула, я оказалась совсем рядом с Фабианом и теперь вдыхала его аромат. Выставив руки вперёд, я попыталась оттолкнуть его от себя.

– Мистер Бойл, я давно решила. Я не стану работать с вами. Не понимаю только, почему вы не принимаете моего отказа и не понимаете, почему я отказываю вам, – я вкладывала в эти слова больше смысла, чем на самом деле имела в виду.

Понимаю, что он видит во всём этом не много смысла, но сейчас у меня совсем не было желания объяснять ему, что я хочу на самом деле. Темнота и тишина не помогали мне больше. Я обошла его и остановилась возле обеденного стола, упрямо смотря в него, будто ища что-то, но на самом деле мне просто хотелось, чтобы его здесь не было. В темноте наша квартира казалась такой одинокой и молчаливой, будто в ней не было никакой истории и нас с Евой не существовало

на самом деле.

Я чувствовала, как он медленно подходит ко мне, останавливается позади совсем близко, но не касается меня. Ощущаю, как его дыхание обжигает кожу на моей шее, но он так и не прикасается ко мне. Лишь чувствуя, что рядом именно он, мне становится так спокойно, и я будто зажигаю свет в своей квартире. Всё такое родное, домашнее. И он здесь, совсем близко. Если бы это было правдой. Вдыхая аромат его тела, понимая, что это не повторится, я обещаю себе, что делаю это в последний раз, потому что больше не смогу быть рядом с ним. Я никогда не позволю себе больше оказаться с ним вот так наедине, в темноте. Я беззащитна, и он чувствует это. Может стоит воспользоваться этим? Смогу ли я ему отказать?

– Ты доминируешь и в постели с мужчинами? – его приятный голос ласкает мой слух, а губы слегка прикасаются к моему уху.

Я чувствую как мое тело дрожит от того, что он прикусывает мочку после своих на самом деле омерзительных слов. Но сил повернуться и посмотреть на него у меня нет. Он убирает волосы со спины, перебрасывая их вперёд, осторожно прикасаясь пальцами к моей шее, прикрытой рубашкой.

Осторожно поворачиваюсь, я стараюсь заглянуть в его чёрные глаза, но, кроме темноты вокруг, не вижу ничего.

– Я доминирую только на работе, – шепчу я, привставая на носочки, чтобы коснуться губами его шеи в мимолётном

касании, так, чтобы он даже не понял, было ли оно.

– А с мужчинами я предпочитаю подчиняться, – продолжаю шептать в темноте я, осторожно проводя пальчиками по краю его рубашки, притягивая к себе.

Я закусываю нижнюю губу до боли, будто стараясь понять, реально ли происходящее. Но я точно чувствую его присутствие. Понимаю, что это он. Берёт в ладони моё лицо, чертя какой-то узор на моих щеках, смотрит в глаза, хотя в темноте мы едва различаем силуэты друг друга. Я слышу, как бьётся его сердце чуть быстрее, чем моё, чувствую, как вздымается его грудь от каждого вдоха и выдоха.

Осторожно прикасаюсь к его рукам, боюсь, что он рассыпется от моих прикосновений, как песчаный человек, но понимая, что он реален, впиваюсь в него пальцами, рискуя не отпустить больше от себя никогда. Я не могу сказать ни слова, смотрю в темноту, затаив дыхание. Он наклоняется вперёд, но я всё равно привстаю на носочки, потому что он слишком высок для меня. Наши губы как-то неловко соприкасаются, и я проваливаюсь. Это больше, чем поцелуй. Мои губы, язык и зубы захватывают его, и я хочу насладиться этим, потому что подсознание кричит, что такого больше не повторится никогда. Мои пальцы забираются в его волосы, делая их ещё более взъерошенными. Но он не уступает мне. Его губы такие ловкие, он немного посасывает мою нижнюю губу, проводит языком по верхней, чуть прикусывая и её, но мне от этого ещё приятнее. Непроизвольный стон

наслаждения вырывается из моей груди. Наши языки и губы будто единое целое. Я чувствую, как этот поцелуй может стать для меня роковым, но не могу остановить себя. Мои пальцы сдёргивают его рубашку на пол, а за ней и его футболку. В темноте я не могу увидеть его великолепное тело, но понимаю, что вряд ли я осталась бы равнодушна. Моя рубашка оказывается на полу так же быстро, а за ней и «боксёрка». Он изучает моё тело своими руками. Каждый изгиб, родинку и шрамик – всё, что не может сейчас увидеть глазами, он чувствует пальцами. Я же осторожно прикасаюсь к его груди, чувствую жёсткие волоски под пальцами и царапаю его кожу своими ногтями, из-за чего у него вырывается не то стон, не то рык наслаждения. На моём лице застывает улыбка. Там, где я только что царапала кожу, теперь мои губы, касаются каждого миллиметра идеального тела этого мужчины. В то время как он распустил мои волосы, накручивая на руку и оттягивая назад, отрывая от себя, мои затуманенные глаза находят его.

– Я так хочу видеть тебя каждый грёбаный день, – шепчет в темноту он, целуя уголок моих губ, – что не хочу рисковать тем, что не увижу тебя больше никогда, – произносит он и целует кончик моего носа.

Его свободная рука сжимает моё бедро, так что мне немного больно. Но я не решаюсь нарушить такой момент.

– Ты должна работать со мной, а я не должен спать с тобой, – его голос немного дрожит, а губы находят мои в ми-

молётном поцелуе.

– Этого никогда не случится, мисс Грин, – говорит слишком громко и отчётливо для такого момента он.

– Так что прошу тебя, согласишься на эту чёртову работу, – и он отпускает меня.

Мои глаза расширены, и всё тело знобит. Я стою посреди гостиной в одних джинсах и белье. Одна. Вокруг тишина и темнота. Мне кажется, что прошла целая вечность. Отчего-то по щекам текут слёзы. Я знаю, что не должна плакать, но не могу остановить беззвучный поток.

Медленно наклоняюсь и поднимаю одежду с пола, бросаю взгляд на освещённый лунным светом журнальный столик с какими-то бумагами на нём. Хватаю их и вбегаю в свою комнату. Вся моя одежда в ту же минуту оказывается в корзине для грязного белья. Потому что я не хочу чувствовать запах Таинственного Незнакомца и тем более Незваного Гостя. В комнате горит одинокая лампа на прикроватной тумбочке. Я забралась под одеяло в кровать. Меня ещё немного трясёт, но я уже хотя бы не плачу. Даже не читая бумаг, я знаю, что там, беру ручку и подписываю в обозначенных местах. Оставляю записку для Евы, чтобы завтра же отправила эти документы в офис «ББА» на имя Фабиана Лина Бойла. Она обязательно зайдёт в мою комнату завтра утром разбудить меня, перед тем как уйдёт на работу. Свернувшись клубочком, я выключаю свет.

Но я уверена, что вряд ли смогу заснуть. Я так старалась

избежать эмоциональных травм, лишив себя секса, но поняла, что без него ещё больше вреда причиняю себе. Я осознаю, что больше не смогу заниматься у профессора Стэнджера, но мне необходимы его занятия. И как бы я ни хотела чего-то большего от Бойла, он никогда не станет моим. Именно поэтому согласие на работу подписано, и в течение нескольких недель я приступлю к должности представителя на рейсах генерального директора авиакомпании, а точнее, сопровождающего его везде и всюду зачем-то необходимого сотрудника. Все эти мысли не могли дать мне покоя сегодня. Вновь и вновь прокручивая то, что случилось со мной за этот день, я готова принять решение. Никогда больше не оставаться с профессором наедине и работать с Бойлом как профессионал. А главное, никогда не мечтать ни об одном из них. Моя уверенность в том, что ни один из них не заслуживает звания «тот самый мужчина», приближалась к сотне процентов. А значит, мой новый день без секса начнётся не просто так. Во всяком случае, я хотела бы быть в этом уверена.

Глава 4

Я третий день не выхожу из дома. Стараюсь казаться больной и не заговаривать ни с кем, даже Ева и Анна не слышали от меня ни слова за последние дни. Да я и сама толком не уверена в том, что в состоянии и в силах разговаривать. Все объяснения с друзьями и семьёй я оставила на потом. Мне просто необходимо время, чтобы подумать о том, в какой каше я оказалась замешанной и что не смогу найти выход, даже если очень захочу, что и говорить о том, если я не хочу выходить из этого. К моему сожалению, единственное, что я готова признать: часть меня ликовала оттого, что во мне нуждался такой человек, как Бойл, и что меня хочет такой человек, как Стэнджер. Но я совершенно не хотела признавать того факта, что буду играть с ними, теща своё самолюбие, потому что абсолютно не была настроена на игры с мужчинами. Мои достижения в самоконтроле не давали мне покоя, каждый день дарил мне какие-то новые открытия, и мир вдруг открывался с другой стороны. Я находила прекрасными рассветы и закаты, люблю смотреть просто в окно и в первый раз за долгое время нашла наслаждение в некоторых книгах, погружаясь в мир приключений и страстей.

Но наслаждаться великолепием таких дней я не могла полностью. Недовольное лицо Евы каждый раз, когда она ви-

дела, что я не снимала свои пижамные штаны с рисунком медведей, не давало мне покоя. А когда недовольна Ева, значит, становится недовольным весь мир. Она, я надеюсь, беспокоясь обо мне, подключила Анну, и если одна доставала меня своим взглядом, то другая старалась достать по телефону, но если от взгляда я могла скрыться в своей комнате, то на звонки я могла вовсе не отвечать. Но больше так не могло продолжаться, и я точно знала это. Рано или поздно мне придётся заговорить, объяснить и проститься, пусть на короткое время, но я уже не принадлежу сама себе, теперь я личный раб Фабиана Бойла. Пусть он пока не пользуется этим, но я была уверена, что в скором времени обязательно сделает это.

Часа показывали начало пятого, а я, кажется, даже не ела сегодня. Но какая разница, если в руках «Граф Монте-Кристо» и я вместе с ним мщу всем врагам и стараюсь быть милосердной к друзьям. Я чувствую себя его правой рукой, и мы вдвоём можем свернуть горы, отыскать сокровища и получить желаемое, только если постараемся. Так, погружившись в книгу, я даже не заметила, как щёлкнул замок и вошла Ева. Только стук её каблуков заставил меня вернуться в Денвер, в мою скромную квартиру, и обернуться к ней.

– Там посыльный за дверью, говорит, что у него для тебя посылка, – слишком грубо кинула мне Ева и, даже не улыбнувшись, отправилась в свою комнату.

В последние три дня я только и наблюдала этот взгляд, её

слова звучали резко, всё, будто она чувствовала, что я храню какую-то тайну, которая заставит её переживать. Я знала, что именно сможет её разжалобить, и она вновь будет на моей стороне.

Медленно подбираясь к входной двери, я шаркала тапками, стараясь разозлить любимую сестру ещё больше, чтобы она начала кричать. Потому что её эмоции должны найти выход, прежде чем я объясню, в чём дело и что со мной происходит.

– Мисс Грин, – бодро практически крикнул посыльный в зелёной форме и протянул мне большую коробку, на которой лежал листок с отчётом о доставке, на котором я должна была поставить подпись. Я поймала на себе странный взгляд посыльного и только сейчас поняла, почему он изменился в лице. Я совсем забыла о том, как выгляжу, этого и не требовалось в последние три дня. Грязные волосы, переплетённые и образовавшие колтуны, старая пижама с медведями на штанах и футболка с пятнами то ли мороженого, то ли сиропа на ней. Весь вид говорил о том, насколько я жалкая.

– От кого она? – поинтересовалась я перед тем как поставила подпись, но прежде чем услышала ответ, посыльный вырвал у меня листок и отошёл к лифту.

– Я всего лишь посыльный, мэм, – пожал плечами молодой человек и шагнул в прибывший лифт.

Осторожно поставив коробку на диван, я постаралась определить, от кого она, но так как никаких опознаватель-

ных знаков не оказалось, я резко сдёрнула клейкую ленту и распахнула посылку. Жаль, что я не могла видеть своё лицо в тот момент, но была уверена в том, что всё тело задрожало, а зрачки расширились до невероятных размеров. В коробке лежал новый телефон последней модели от Apple, аккуратно упакованная одежда синего цвета и белый конверт. Я могла бы, не открывая его, понять, от кого всё это, но было бы ужасно так поступить с собственным боссом.

«Уважаемая мисс Грин,

Я очень рад, что теперь вы работаете на меня. В последний наш разговор вы попросили не звонить вам, поэтому присылаю вам новый телефон для разговоров по работе, а также для разговоров со мной лично. Это наша персональная связь на все случаи жизни. Этот телефон должен быть с вами и днем и ночью. Надеюсь на понимание.

Также вы найдёте форму нашей авиакомпания, надеюсь, размер ваш и наши модельеры не ошиблись. Эта форма – для ежедневной носки на работе, таковы требования, которые вы согласно нашему договору обязаны выполнять.

У вас было несколько дней, чтобы расстаться со своими делами в Денвере, так как в воскресенье, 14 июля, мы вылетаем в Лондон и начинаем путешествие по Европе. Не планируйте ничего на ближайшие несколько месяцев, так как мы, скорее всего, задержимся в Европе на подписании договоров с нашими партнёрами. Билет на самолёт и дальнейшие

инструкции вышлю вам на e-mail.

До скорой встречи!

Фабиан Л. Б.»

Я перечитала письмо несколько раз и всё ещё не до конца понимала, что происходит. Оно так прочно застряло и в моей руке, и в моей голове, что показалось, что я никогда не смогу уже выпустить его. Сегодня уже 12 число, как я смогу обратиться за один день, как смогу рассказать друзьям и семье, что улетаю и не знаю, когда вернусь? Как мои вечерние курсы в университете? Встало столько вопросов, но среди всего этого беспорядка имелся лишь один ответ, и он, к сожалению, не мог подарить мне спокойствие сегодня. Мы никогда не будет больше чем начальник и сотрудник. Он навсегда определил границы наших отношений.

Ноги подогнулись, и я оказалась сидящей на полу напротив коробки с всё ещё вложенным в мои руки письмом. Меня так же немного потряхивало, и я качалась из стороны в сторону как умалишённая в бессознательном состоянии. Но примерно в нём я и находилась последние несколько дней.

– Али... Ли, – с тобой всё в порядке? – выводит меня из транса взволнованный голос Евы, и я чувствую, как она присаживается рядом со мной и обнимает за плечи.

Я могу лишь качать головой. Только сейчас, несколько

минут спустя, замечаю, как по моим щекам текут слёзы. Я давно не плакала так часто, как за последнюю неделю. Он делает из меня безвольную куклу, которая подчиняется его воле без единой мысли и даже без желания что-либо изменить.

– Ева, меня уволили. Отказали в «ББА», и мне пришлось согласиться на работу, которую я возненавижу.

Мне хочется разрыдаться на её плече и пожаловаться на всё то, что произошло и что я старалась сохранить в себе. Слова прочно засели у меня в голове, и я не могу просто выпустить их наружу, так как не хочу переносить все беды на чужую голову. Поэтому только и позволяю себе смотреть на коричневую коробку перед собой.

– Я больше не могу смотреть на тебя такую. Я знаю, что-то случилось, ты можешь рассказать мне всё? – умоляющим голосом говорила Ева, и я чувствовала, как она волнуется за меня, переживает и готова сделать всё для того, чтобы мне стало легче.

Но я сама не знала, что способно заставить меня чувствовать себя лучше. Второй раз в моей жизни я не могла повлиять на обстоятельства и это вынуждало меня сдаться, хотя я была уверена в том, что боец.

Воспоминания о дне смерти матери не дают мне покоя по ночам, и я будто сижу в машине вместо неё. Всё случилось в один из тех дней, когда ей пришлось поехать выругай город в сотне километров от нашего дома, для того чтобы

иметь возможность разобраться в причине задержки мебели заказчику и лично отвезти ему заказ. Мне тогда только исполнилось шестнадцать, и я начала работать в аэропорту официально. Зимой всегда темнеет рано, и поэтому отец всегда оставлял свет на крыльце нашего дома, чтобы я не упала на ступеньках. Когда же я поставила машину, свет не горел, и это меня немного удивило, но папа мог просто забыть сегодня или не думал, что я вернусь немного раньше. Но из-за сильного снегопада меня отпустили раньше, опасаясь, что сотрудники могут попасть в снежную бурю и тогда завтра никто не сможет явиться на работу. Внутри меня поразила тишина, которая была так не присуща нашему дому. Всегда звучал либо телевизор, либо радио на кухне, пока мама готовила ужин. Не думая ни о чём важном, я повесила куртку на крючок и передела любимые UGG на домашние тапочки. В нашем доме никогда не было так тихо и безжизненно. Всегда вкусно пахло из кухни, и мама с папой обменивались шутками и приветствовали меня улыбками. Но сейчас этого ничего не было, и внутри зародилось какое-то предчувствие, и холодок пробежал по спине.

Я нашла отца в гостиной, сидевшего на диване и держащего в руке телефонную трубку. Он весь дрожал, и всё то предчувствие, что зародилось во мне, вдруг опустилось вместе с сердцем вниз. Я была уверена, что произошло что-то непоправимое. Сев рядом с отцом и обняв его за плечи, я увидела мокрые следы на его щеках. Первый раз в моей жизни

я видела, как отец плачет. Он всегда являлся для меня эталоном мужественности и стойкости, всегда идеальный в делах, и в общении. Я даже представляла своего будущего мужа очень похожим на папу. Но сейчас он побледнел и казался почти неживым. В тишине дома звучали лишь глухие гудки в телефонной трубке. Его голос и слова изменили мою жизнь навсегда. Затем последовал визит полиции и посещение морга, опознание, хотя этого и не требовалась, похороны; но тот день стал самым худшим в моей жизни. Я никак не могла вернуть маму и не могла изменить время так, чтобы она осталась жива. От меня не зависело ничего, оставалось лишь быть сильной и стать поддержкой отцу.

– Я знаю, Ева, знаю. Просто я сама не понимаю, как всё так получилось, – я вытерла глаза рукавом футболки и посмотрела на взволнованное и даже перепуганное лицо сестры.

Я никогда не видела её такой беззащитной и ранимой, и если одна часть меня не хотела, чтобы она ещё раз выглядела так, то другая благодарила за то, что сейчас я не одна и не буду одна никогда, особенно когда мне плохо.

– Надеюсь, у нас есть что выпить, потому что это единственное, что я хочу, – моя попытка улыбнуться и казаться беззаботной не удалась, но я уже разговаривала и была готова высказать всё то, что накопилось.

Но алкоголь мог стать катализатором, который освободит меня от границ, и я смогу быть свободной в своих выражениях. Ева улыбнулась и поднялась с пола.

Пока относил коробку в свою комнату и старалась не смотреть ни на телефон, ни на новую форму, Ева налила нам по стакану виски, который хранился дома именно для таких случаев. Так же каким-то необыкновенным образом на нашем столике возле дивана оказались разложены по тарелкам моё любимое мороженое с шоколадной крошкой и печеньем и мои любимые конфеты. Обычно мы не покупали ничего сладкого, так как я старалась не растолстеть. Но шоколад и мороженое делали меня настолько счастливой, что сложно описать, и Ева прекрасно знала и понимала – это единственное, что мне сейчас надо. После нескольких дней заточения я была готова открыться.

Я собрала волосы в высокий хвост и надела чистую футболку и спортивные штаны, в первый раз за несколько дней отказавшись от пижамы. Усевшись на диван с ногами и положив подушку, я принялась запихивать в себя ложку за ложкой мороженое, и только когда оно закончилось, и я тяжело вздохнула, Ева уставилась на меня взглядом, способным прожечь во мне дырку. Она хотела получить ответы на мучившие её вопросы. А я, кажется, уже не могла сказать нет.

– Если кратко, то человек по имени Фабиан Бойл вынудил меня согласиться работать на него в качестве личного представителя на всех его рейсах, подчиняться его воле, выполнять все приказы и указы, надевать дурацкую форму, но самое страшное, летать с ним повсюду. А это значит, что я покидаю Денвер на неопределённое время, – выпалила я и опу-

стила глаза, стараясь не смотреть на удивлённую Еву.

Мне было стыдно рассказывать всю эту странную историю, описывать в подробностях, почему меня не радует такая работа и как я могла оказаться в такой ситуации, и что, кроме этой должности, у меня нет других вариантов. Ева прекрасно знала, как сильно я люблю аэропорт и самолёты, что это часть меня и моей жизни. А работать – это единственное, что я умею. Потому что никогда не была усидчивой в учёбе и не умела жить за чей-то счёт. Работа была единственной вещью, делающей меня абсолютно свободной, а это означало счастливой.

Теребя край футболки, я понимала, что не могу слышать тишину. Со дня смерти мамы она пугала меня и порождала в моей душе ужас, так что я терялась, хотя порой только она и требовалась, чтобы подарить мне покой. Мои глаза искали успокоения в нашей квартире, и только когда я вновь смогла заставить себя взглянуть на Еву, удивление застыло на моём лице. Ни разу в жизни я не видела, как она плачет, потому что для меня сестра всегда выступала своеобразной железной леди, не способной страдать и переживать, только если глубоко в душе. Она была стойким оловянным солдатиком. Но сейчас по её щекам бесшумно текли слезы.

– Не плачь, Ева. Ну ты чего? – подскочила я к подруге и села на край её кресла, обнимая и целуя макушку.

– Всё не так плохо, я обязательно вернусь и привезу миллион подарков, – попыталась быть оптимистичной я, но это

оказалось труднее, чем мне кажется. Единственное, что меня мучило на протяжении нескольких дней – это вопрос, и я никак не могла ответить на него.

– Почему? – слишком громко произнесла я и поймала удивлённый заплаканный взгляд Евы.

– Почему что? – поинтересовалась она и не сводила с меня глаз. Будто проникала в самые потаённые части моей души, надеясь найти ответ на неозвученные вопросы.

– Понимаешь, – начала я, усаживаясь в кресло рядом с Евой и беря её за руку, – я в первый раз увидела его, когда проходила собеседование в «ББА», и я уверена, что он тоже видел меня в первый раз. Тогда почему он хотел, чтобы я работала на него? Почему заставил «ББА» отказать мне в работе и директора аэропорта уволить меня? Зачем ему я? – кидала вопросы в воздух я и понимала, что они так и не найдут ответа сегодня, а может, и вообще никогда. Но будут продолжать мучить меня ещё долгое время. Но глаза Евы заставили меня усомниться в этом. Она крепко сжала мою ладонь и улыбнулась так, как улыбалась крайне редко, будто говорила: Я люблю тебя, но ты такая глупенькая. Мне не нравился такой взгляд, я чувствовала себя неумелой, немного жалкой и действительно глупой. Будто ответ на вопросы так очевиден, а я просто не могла увидеть то, что у меня перед носом. Но ведь я замечаю всё и могу понять по человеку очень многое. Как же я не могу получить ответ на интересующий меня вопрос?

– Алиса, это же очевидно, он влюбился в тебя с первого взгляда, – улыбнулась она и ещё сильнее сжала мою ладонь, так что мне стало даже больно.

– Это так романтично, – продолжала она, уже не замечая моё недовольное нахмуренное лицо, говорящее о моём сомнении, – он видит тебя в офисе и влюбляется без памяти. Понимает, что не сможет больше ни дня прожить без тебя, и потому устраивает всё, чтобы ты находилась всегда рядом с ним, – романтично вздыхает Ева и замирает с умиротворённой улыбкой на лице, такого удовлетворения я давно не видела. Но всё это казалось таким бредом и такой неосуществимой сказкой, я могла только фыркнуть в ответ.

– Это очень красиво звучит, но полная ерунда. Не верю в любовь с первого взгляда и тем более в то, что он мог влюбиться в меня. Ты бы видела его – идеален во всём. Даже его дурацкое имя идеально. Фабиан Лин Бойл, – повторила его я и вновь вернулась в тот момент, когда поняла, что это мой начальник и навсегда останется только им.

– Как ты сказала? Лин? – неожиданно разочарованно спросила Ева, и я поняла, что она наконец спустилась со своих романтических розовых облаков и вновь становится моей любимой Евой, не способной верить в святость любви и жаждущей внимания и много удовольствия.

Я кивнула в ответ и уже через секунду наблюдала, как сестра скрывается в своей комнате, громко ругаясь. Я же продолжила пить виски и заедать его самыми вкусными шо-

коладными конфетами в мире, которые дарили мне гораздо больше удовольствия и тепла, нежели какой-нибудь мужчина. Ну мне хотелось верить в то, что я пока могу заменить секс шоколадом, пусть это и сказывается на моём теле. Но зато я не чувствую себя последней дрянью и легкодоступной дешёвкой и не тру кожу на своём теле докрасна, лишь бы избавиться от запаха и ощущения прикосновений какого-нибудь очередного козла. Если не думать об этом, то секс не так уж и важен в жизни. Мы вполне можем обходиться без него.

Когда Ева вернулась из комнаты с распечатанной страницей местной газеты, я уже лежала на диване, запрокинув ноги на спинку и спустив голову на пол. Из радио лилась Switchfoot – You, а я почти не собиралась вновь предаться жалости к себе и заплакать под романтическую музыку. Ева размахивала листком у меня перед носом, а затем плюхнулась на диван, прочистила горло и начала читать газетную статью непонятно какой давности.

«Сегодня, 28 января 2014 года, из-за внезапно начавшегося сильного снегопада экстренно был закрыт аэропорт. Все рейсы были перенаправлены в ближайшие аэропорты, а вылет был отложен до того, как погода наладится».

– Отличная статья, Ева, очень интересная, а главное, новая, – недовольно фыркнула я и закинула в рот очередную конфету, мурлыча от удовольствия, когда она плавилась

у меня вот рту и дарила незабываемое наслаждение.

– А ты помнишь, что случилось на следующий день? – спросила она и поменяла листки местами, заметив моё недоумение и крутящуюся в разные стороны голову, говорившую о том, что я не имею понятия о том, что произошло на следующий день.

Осенью мы с Евой приехали в Денвер и только начали обживать в нашей новой квартире. Я начала работать в аэропорту, а подруга обставляла нашу квартиру и ходила на собеседования по разным салонам дизайна и снималась в паре рекламных роликов. Так начиналась наша новая жизнь, и я была так необыкновенно счастлива оказаться далеко от дома, от того места, где всё напоминало о маме. А главное, я могла сбежать и от всех плохих воспоминаний, что преследовали меня в Таллахасси. Аэропорт казался мне новым миром и новой любовью в моей жизни, я посвятила себя работе и бывала дома так редко, что Ева говорила, что не помнит, как я выгляжу. Но мне требовалось зарекомендовать себя и показать всё, что могу.

– Тогда слушай и не перебивай меня, – толкнула она меня в бок, что заставило меня поперхнуться и рассмеяться.

«Вчера из-за сильного снегопада была приостановлена работа аэропорта. Ночью 29 января работа была восстановлена и рейсы вновь начали прилетать и вылетать из аэропорта. Однако одному из известнейших бизнесменов мистеру Ф. Ли-

ну было отказано в вылете из аэропорта. Как стало известно, мистера Лина попросили отложить вылет на неопределённое время без объяснения причины, сам мистер Лин отказался давать какие-либо комментарии и был вынужден отказаться от вылета. Позже было выяснено, что между бизнесменом и одним из служащих аэропорта завязался спор, сотрудникам аэропорта силой пришлось заставить мистера Ф. Лина покинуть аэропорт».

Ева закончила читать статью и внимательно уставилась на меня. Мне даже стало как-то не по себе от её взгляда, так что по спине пробежал холодок, и я наконец села ровно на диване. Я сосредоточилась на только что услышанном и пыталась вспомнить события тех дней.

– Ты помнишь что-то такое, Алиса? – то ли прокричала Ева, то ли её голос был настолько громким оттого, что я вновь стала молчать и думать о чём-то своём. Я же могла лишь мотать головой, стараясь дать понять, что я не помню ничего подобного. Но может, что-то такое и начало всплывать в моей памяти.

Не могу сказать, что эти дни помню, как вчера, но прекрасно помню первую снежную бурю в Денвере и какой ужас заполнил меня в то время. Я только-только смогла смириться с тем, что я теперь в другом городе, где ничто мне не будет напоминать о горе, пережитом мною, и я смогу начать новую жизнь. Со дня смерти мамы я ненавидела зиму и снег,

боялась снегопадов, вечно представляя себе, как она попадает в аварию именно по вине непогоды. Я работала в аэропорту, и, к сожалению, 28 и 29 января выпали на мою смену. Из-за неожиданного снега нам пришлось закрыть аэропорт на неопределённое время, и так как директор аэропорта был рад работать со мной, то я могла принимать все необходимые меры самостоятельно, без дополнительного контроля с его стороны. Так было до утра 29-го числа. Я помню, как проснулась от телефонного звонка, мне пришлось остаться на ночь в офисе, так как не могла выбраться домой, даже чтобы поменять одежду на чистую. Мне сообщили, что мы вновь открываем аэропорт. Не могу сказать, что была очень рада, но снег прекратился и машины выехали работать, а значит, в течение получаса все дороги и полосы вновь откроются. Когда со всеми делами покончили, я дала себе час на то, чтобы съездить домой, принять душ и вновь вернуться в аэропорт. К тому времени я старалась доказать, что нужна этой работе больше, чем она мне, и, несмотря на относительно маленькое время, отработанное здесь, могу наладить работу в короткие сроки. Но когда я собиралась высушить волосы феном, телефон разрывался уже от шестого звонка. Столько ругательных слов я никогда не слышала в свой адрес, меня заставляли приехать в аэропорт в ближайшие минуты. Несмотря на то, что светило солнце и снег расчистили, я была уверена почти на все сто, что в ближайшие полчаса пойдёт настоящий ураган из снега и града и что просто необходимо

запретить вылет из аэропорта и принять как можно больше самолётов в ближайшее время, так как потом может случиться всё что угодно. Когда я приближалась к работе, мой телефон вновь начал звонить. Директор аэропорта, находясь где-то на островах Италии, грозился уволить меня, если я сейчас же не разрешу конфликт с одним известным бизнесменом. Я обещала в ближайшее время разобраться. Не помню, как увидела Фабиана, но помню, как кричала на него. Но могу повторить все слова как сейчас, только потому что единственный раз в жизни позволила себе так общаться с пассажиром, какой бы богатый и привилегированный он ни был.

– Если вам не дорога ваша жизнь, можете садиться в самолёт самостоятельно и лететь куда угодно. Но я не выпущу самолёт отсюда, потому что не хочу, чтобы из-за вашей глупости погибли ещё и пилоты, и экипаж, да и сопровождающие вас лица, – кричала я в ярости, не смотря ни на кого определённо. Не помню, чтобы кто-то произвёл на меня впечатление. Или я полностью сосредоточилась на безопасности, или не могла сконцентрировать внимание на мужчине в то время.

– Вы совсем глупый? Я сказала, что никто не улетит отсюда. Да, сейчас погода наладилась. Но через считанные минуты она изменится вновь. Начнётся снежная буря, и из-за вашей несобранности и глупости не должны погибнуть другие люди, – продолжала кричать я в спину удаляющемуся Фабиану, окружённому службой безопасности аэропорта. Помню

точно: абсолютно не сосредоточивала своё внимание на его внешности. Меня злили его бескомпромиссность, глупость, безответственность, а главное, он посмел смотреть на меня свысока. Такое не позволялось никому.

Я была права в тот день и хотела верить, что спасла от гибели несколько жизней. Но газеты писали о том, что бизнесмен отменил вылет из-за скандала в аэропорту. Слава богу, имена не назывались, но я прекрасно знала, о ком всё написано. Директор аэропорта злился на меня, и я чувствовала это, поэтому с того дня стала более осторожно подбирать слова.

Быстро забыв о том инциденте, я сосредоточилась на карьере, и в скором времени вся шумиха вокруг отказа улеглась, и я вновь стала обычным сотрудником аэропорта. Я же не вспоминала о том случае до сегодняшнего дня.

Если причина такова, то стоит ли бояться этого мужчину или наоборот? Он нанял меня, чтобы отблагодарить или чтобы наказать и проучить? Что на самом деле он скрывает и какие планы строит на мой счёт?

Мне только предстояло узнать ответы на эти вопросы.

Глава 5

Я никогда раньше не улетала из США. Никогда не бывала за пределами моего маленького мира, где всегда спокойно и уютно. И тем более я никогда не летала на частных самолётах. Но сейчас я находилась в салоне самого замечательного лайнера, который только видела в жизни, смотрела в иллюминатор, расставаясь с Денвером на неопределённое время. Передо мной воздушное судно последней модели бизнес-джетов, полностью оборудованное для дальних путешествий.

Рядом расположился Фабиан и просматривал какие-то документы. Позади по разные стороны сидели личный помощник мистера Бойла по имени Патрик, фамилии я так и не услышала, и телохранитель по имени Джаспер, и точно так же не смогла узнать его фамилию. В свою очередь, они обращались ко мне по имени, чем доказывали мне, что я всего лишь обслуживающий персонал и мои друзья именно такие же, как они, а не Фабиан.

Его тёмные волосы взъерошены и, кажется, ещё мокрые от дождя, которым нас провожал Денвер. Голубая рубашка расстёгнута на верхние пуговицы, из-под которой выглядывали тёмные волосы на груди. Пиджак лежал на соседнем пустующем кресле, которое на самом деле принадлежало ему, но по неизвестной мне причине мистер Бойл предпочёл си-

деть рядом со мной. Идеально выглаженные синие брюки немного помялись, а рукава на рубашке подвёрнуты, обнажая предплечья.

Он полностью погрузился в бумаги, лежавшие на коленях, и закусывал ручку, стараясь не обращать внимания на всё, что происходило вокруг. Я же улавливала аромат одеколона, который ударил мне в нос с первой секунды, как увидела Фабиана сегодня. На мне та форма, что была прислана им несколько дней назад. Не могу сказать что-то против. Всё идеально скроено и наверняка на красивых бортпроводницах смотрелось просто идеально. Но я выглядела не то, чтобы глупо, но скорее забавно, чем сексуально. Облегающее платье с коротким рукавом подчёркивало мои недостатки, длина едва доходила мне до колен, и поэтому, открыв их, я показывала миру неидеальность моих ног. Золотая вышивка на рукавах и по подолу украшала его, но я всё равно чувствовала себя достаточно глупо. Круглый вырез находился прямо у самой шеи, и мне вечно казалось, что я могу задохнуться. Золотой ремень на талии я стянула с такой силой, что едва могла дышать, но таким образом я пыталась доказать хотя бы себе, что у меня есть талия.

День перед отлётом дался мне очень сложно. После разговора с Евой я никак не могла выкинуть из головы историю трёхлетней давности, когда я накричала на Фабиана и не дала ему возможности вылететь из Денвера. Я ворочалась в кровати, пытаюсь понять, что всё это значит и так ли

важен этот эпизод. Я помнила свою реакцию и чувства, прекрасно осознавала, что боялась, вдруг кто-то ещё может погибнуть из-за погоды, и не хотела повесить на свою совесть чью-то глупую смерть. Но я не могла вспомнить самого Фабиана, ни его лицо, ни идеальное тело и тем более его реакцию на моё тогдашнее поведение. Но больше всего меня мучил вопрос, почему я не обратила внимания на него тогда. Почему ослепла? Хотя желание спасти этому кретину жизнь тогда представлялось важнее, чем его безусловно красивое лицо. Но дальше это было не столь важно, как тот факт, что я всё ещё не понимала, почему он так относится ко мне. Почему буквально заставил работать на себя? Я хотела бы верить в идеальную сказку, придуманную Евой, о безумной любви, вспыхнувшей в одно мгновение и способной повлиять так на мужчину. Но что-то мне подсказывало, что ни один мужчина не верит в любовь с первого взгляда, и тут явно рисовался вариант нелюбви. Но тогда что? Он выражал благодарность за свою жизнь, что я накричала на него и спасла, или злился до сих пор и таким способом хотел сделать из меня свою игрушку, мстит, что я грубила и позволила себе неправильные и некорректные слова в его адрес? Сейчас сделал меня своей приближённой и в скором времени нанесёт удар по самому больному месту?

Я повернула голову и посмотрела на сосредоточенное лицо Фабиана. Кажется, на его лице не дёргался ни один мускул. Он полностью погрузился в работу, и я чувствовала,

как пропитываюсь к нему уважением. Несмотря на сложный день, я была уверена, что он именно такой, Фабиан не давал себе времени на отдых и продолжал работать, даже несмотря на то, что время уже давно за полночь, мы находимся в самолёте и лететь нам ещё не меньше восьми часов. Неожиданно он повернулся и посмотрел на меня. Улыбка на его лице появилась также внезапно. Я покраснела и отвела взгляд вновь к иллюминатору, надеясь, что он не обратил внимания на моё смущение. Мне хотелось бы верить, что я всего лишь придумала его мстерь и он всего только и хотел, чтобы я как профессионал работала с ним, и больше за этим ничего не стоит. Но каждая моя мысль породила следующую о том, что я должна быть осторожна и ждать удара в самое неожиданное время.

Весь предыдущий день я провела в магазинах и салонах, периодически отвечая на телефонные звонки, в которых пыталась объяснить друзьям, что я улетаю и не знаю, когда вернусь. Ева не расставалась со мной весь день. Мы давно не проводили время – вот так. Нам было весело и хорошо, не думали ни о чём. Магазины в первый раз казались мне удовольствием. Насмотревшись в Интернете фотографий Фабиана, подруга приказала мне купить красивое нижнее бельё и отложить на дальнюю полку то, что я обожала: мои любимые трусы-шортики с прикольными диснеевскими героями, просто потому что меня они веселили, а самое главное, в таком белье комфортно и удобно. Но бельём мы

не обошлись. Кажется, я скупила весь торговый центр. Новые джинсы и деловые брюки, платья, юбки, блузки и никаких футболок, как приказала Ева.

– Ты должна быть женственной, – приказала она таким тоном, что я не посмела спорить.

Но хуже всего оказалось в обувном отделе. Я никогда не любила каблуки, но сегодня, кажется, купила все пары на них: танкетках, шпильках и ни одной действительно удобной. Ева вторила, что балетки носят школьницы, а кеды – парни. Я не соглашалась, но спорить не смела, так как сделала подругу несчастной, изложив историю о своём падении, увольнении и отлёте в ближайшие сутки. Закончилось всё покупкой нового чемодана и огромной порцией заказанных на дом суши. Когда мы пили очередную порцию саке и доедали суши с лососем, оставляя самые вкусные – «Филадельфию» – на потом, Ева вручила мне свой подарок. Хотя я совсем не ожидала этого и растрогалась настолько, что чуть не расплакалась: подарок оказался идеальным. Сейчас у меня в ногах лежала большая жёлтая сумка Longchamp, в которую поместилась короткая версия моей жизни и необходимые в полёте вещи. Именно за такие подарки и такое внимание к деталям я и обожала сестру и поэтому наше прощание получилось настолько печальным для меня. Даже сейчас, думая об этом, я готова была расплакаться.

Мои пальцы сжимали подол платья, и я заметно занервничала, когда Фабиан наконец отложил бумаги и стал смот-

реть в иллюминатор, наслаждаясь темнотой неба и лишь периодическим огоньками в самом низу. Но мне казалось он смотрит прямо на меня. Пожирает глазами и будто видит насквозь, знает все мои мысли и желания. От его близкого присутствия дыхание стало более глубоким, и у меня пересохло в горле, а по спине пробежала капелька пота. Он был так близко, но я старалась представить, что он далеко и я просто не могу дотянуться до него, это невозможно. Наверняка почувствовав мою нервозность или напротив желание, мистер Бойл поднялся с кресла и удалился в хвост самолёта. Я наконец смогла свободно вздохнуть в первый раз за последние сутки.

Инструкция, присланная мне по e-mail, звучала предельно ясно, и я постаралась выполнить все его просьбы или скорее теперь уже указания. Мы встретились в 7:30 утра в переговорной «ББА». Фабиан был безукоризненно одет, побрит и казался свежим и бодрым, таким, как я встретила его в первый раз несколько недель назад. Он улыбнулся и указал мне не стул возле него. Несколько минут спустя к нам присоединился его помощник, который озвучивал планы на ближайшие недели. В моих руках оказалось расписание наших рейсов, чтобы я могла сориентироваться и понять, когда именно начинается и заканчивается моя работа в тех или иных аэропортах. Также прилагался список гостиниц с распечаткой забронированных номеров, где нам предстояло останавливаться. Позже Патрик, невысокий блондин не старше лет 26—

28, одетый в простые чёрные брюки и белую рубашку с цветастым галстуком, простился с нами, и мы остались с Фабианом вдвоём. Я чувствовала себя неловко – в первый раз остаться с ним наедине после того нашего ночного randevu в моей квартире. Я будто вновь оказалась там и мри фантазия нарисовала как я почувствовала его сильные руки на моих бёдрах, его сладкие губы на моих, и по всему телу пробежала дрожь. Но он быстро вернул меня в реальность, продолжив свой рассказа о наших планах на ближайшее время. Также он дал мне ясно понять, что сегодняшний день я обязана провести с ним, практически не отступая ни на шаг на всех совещаниях, так как это касалось и моей работы: прошлой и будущей, он жаждал узнать моё мнение о каждом вопросе, который поднимут сегодня. Честно говоря, за весь день я так и не успела обдумать произошедшее и ни разу даже не передохнула для каких-либо мыслей относительно Фабиана. Я лишь молча наблюдала за ним весь день, наслаждаясь его деловой хваткой, стойкостью, порой бескомпромиссностью, но это делало его ещё более мужественным в моих глазах.

– Алиса, – окликнул меня Патрик, пока Фабиан находился в другой части самолёта, – прости мистера Бойла за такую жестокость сегодня. Обычно он бывает куда приятнее. Если ты устала и хочешь спать, кресло удобно раскладывается в кровать, – улыбнулся мне молодой человек, и я не смогла не ответить доброжелательной улыбкой, но отрицательно

покачала головой.

Патрик действительно оказался симпатичным молодым человеком, подобные парни встречаются крайне редко. Реально милые и симпатичные. У него большие зелёные глаза с карими вкраплениями, немного зауженные, обрамлённые большими чёрными ресницами, таким парням завидуют женщины, потому что их глаза и в самом деле уникальны. Небольшой заострённый нос со множеством веснушек, как у меня, красивые губы, где, верхняя немного меньше, чем нижняя, но я практически чувствую, какие они чувственные, когда он целуется. Когда он улыбается, образуются ямочки, что делает из взрослого мужчины маленького мальчика, и ещё он бесподобно краснеет, когда общается и тема немного смущает молодого человека. Я отметила, как он нервничает и боится смотреть на меня, что делает его образ ещё привлекательнее. Я бы хотела подружиться с ним, потому что редко когда мне удавалось иметь парней друзей, я имею в виду, чтобы это ограничивалось приятным общением и не выходило за рамки, перетекая в вертикальные отношения.

Когда Фабиан вернулся, он выглядел немного расслабленно, рукава оказались еще сильнее закатанными чуть выше локтя, открывая моему взору накачанные руки. Я отмахнулась от мыслей о внешнем виде Фабиана и решила полностью сконцентрироваться на его характере и профессионализме. Нам предстояло путешествие в Лондон, а из него мы отправлялись во Францию и дальше по Европе. Заканчивал-

ся наш путь в Чехии, и Фабиан сказал, что это будет небольшой частный аэропорт, он удобнее, чем столица – Прага, и позволит нам вылететь в удобное для нас время и мы сможем сократить все формальности.

Но какая разница, куда и откуда, если сейчас я летела в Лондон?

Но одна мысль никак не покидала мою голову сегодня. Я умоляла Еву не рассказывать отцу и мачехе о том, что со мной случилось и что я улетела из страны. Она упиралась несколько часов, обосновывая это ненавистью к вранью нашим родителям и тем, что я зря паникую от смены работы. Мой отец никогда не считался тираном, даже напротив. Но я не хотела рассказывать ему о том, что произошло, потому что прекрасно понимала: он наверняка увидит глупость моих поступков, и обязательно заметит, что я что-то недоговариваю.

Ему удивительным образом удавалось вывести меня на чистую воду, и поэтому я обещала себе никогда ему не врать. Поэтому даже недоговаривать было сложно для меня. Я видела, что не просчитала ситуацию до конца, не учла все возможные варианты, и сначала отдалённые и маловажные факторы, явились важнейшими и влияющими на мою жизнь; а главное, я не увидела катализатор моей безвольности – мистера Фабиана Лина Бойла. Мы с отцом очень походили друг на друга, что внешне, что по характеру, и поэтому я старалась равняться на него во всём. Но я оставалась

женщиной, пусть и порой ненавидела себя за то, что родилась девочкой. К моему сожалению, я не могла отрицать, что восхищалась Фабианом гораздо больше, чем хотела, и даже то, что он сидел рядом со мной, внимательно читая газету, заставляло моё сердце биться гораздо сильнее.

– Если вы устали, мисс Грин, можете поспать, нам лететь ещё не меньше шести часов. Мы будем в Лондоне около полудня, и нам предстоит множество дел. Нам не оказаться в гостинице раньше девяти вечера, – улыбнулся Фабиан так, что моё сердце тут же затрепетало. Но я не могла себе позволить таких излишеств и, отхлестав себя мысленно по щекам, призналась, что должна приложить все силы и всю волю, чтобы перестать видеть в своём боссе объект вожделе-ния и млеть от каждого его доброго слова в мой адрес.

– Спасибо большое, мистер Бойл, но я прекрасно себя чувствую, – улыбнулась как можно приветливее я и поправила волосы, заправляя выбившиеся пряди за ухо и перебра-сывая на правую сторону.

– Я же вижу, вы устали, поспите, я не буду вам мешать, – настаивал Фабиан.

И в тот момент, как я решила вновь отклонить такое ще-дрое предложение, он положил руку поверх моей, той, что те-ребила подол платья, так что оно стало жёванным, и вряд ли я смогу запросто расправить его без помощи утюга. Его руки оказались холодными, и приятная прохлада окутала моё те-ло почти сразу. Я глубоко вздохнула и прикрыла глаза. Нет,

дело совсем не в эротике, но я не была уверена в том, что он осмелится прикоснуться ко мне. Весь день, что мы находились вместе, несмотря на всю доброту и заботу, которую он проявлял каждый раз, когда требовалось и когда нет, я отметила, что он ни разу не коснулся меня. Только краткие улыбки, довольно милые и приветливые, взгляд тёплых чёрных глаз давали мне успокоение, и ощущение что я здесь нужна. Я хотела почувствовать, что он не боится меня, ведь ничего страшного не произойдёт, если он прикоснётся ко мне. Но сама также не решилась сделать шаг. Хотела было убрать с его плеча ниточку, но, поднося руку, я поняла, что дрожу всем телом, и бросила эту затею. Боялась, что даже одно прикосновение к нему сделает меня безвольной и я не смогу контролировать себя. Сложнее всего получалось не думать о его губах и о том, как он был нежен со мной, даже несмотря на отказ, он поступил как истинный джентльмен, настоящий мужчина. Даже сил не было, чтобы начать его ненавидеть за то, что позволил целовать меня, а затем отказать. Невыносимо сложная ситуация для меня, и я почти верила, для него она настолько же сложна.

– Спасибо, я действительно устала, – улыбнулась я, и, как только он отпустил мою руку, я поняла, как мне холодно без него. Даже без его взгляда на моём лице.

Фабиан уже приподнялся с кресла, чтобы дать мне погрузиться в сон, но я резко схватила его за запястье и удивлённо посмотрела сначала на свою руку, а затем в его глаза, вне-

запно ставшие ещё чернее.

– Не уходите, – промямлила я, отпуская его руку и потупив глаза.

– Вы мне не мешаете, даже напротив, – ещё тише сказала я, и, чтобы не смотреть на Фабиана, нажала на кнопку кресла, и то стало автоматически раскладываться в кушетку с немного приподнятым изголовьем. Не идеальная кровать, но вполне сгодиться для сна. Мне очень хотелось, чтобы Фабиан не уходил и не оставлял меня одну, но и показывать, что я сплю с плюшевым тигрой из мультика про Винни-Пуха, я совсем не хотела, поэтому выбор был очевиден. Моему тигре суждено спать в сумке в моих ногах. Я улыбнулась самой очаровательной улыбкой и закрыла глаза, тут же уходя в царство сновидений. День получился действительно сложный и долгий.

Когда я открыла глаза, в иллюминаторе уже поднималось солнце, и я видела самый прекрасный рассвет в жизни. Вы когда-нибудь наблюдали, как из темноты поднимается ярко-красный шар и небо вдруг становится из тёмного ярко-синим, затем фиолетовым и наконец красным, всё это переливается и преобразуется в разные цвета, пока солнце неторопливо сменяет луну на своём посту? Зрелище настолько восхитительное, что мне показалось, я затаила дыхание и не могла дышать от открывающегося вида. С высоты смотрелось ещё красивее и восхитительнее.

Меня накрывал превосходного качества красный плед,

правда, не помню, когда я укуталась им. Рядом, поджав под себя ноги, спал Фабиан, его правая рука лежала под головой, а левая – на подлокотнике, отделявшем нас друг от друга. Он дышал ровно, и я была уверена, что ему не снится никакой плохой сон. Сейчас, когда я могла смотреть, как он спит, умиротворённый и не думающий ни о чём, он казался абсолютно обычным мужчиной, ничем не примечательным, разве что его запястье окольцовывали самые красивые и, вероятно, дорогие часы Omega, а под головой лежал пиджак, стоимость которого наверняка превосходила все мои вещи, вместе взятые.

Я перекинула плед на него и задержалась, наблюдая за спящим Фабианом. Он был всё так же прекрасен, но не выглядел взрослым мужчиной, скорее напротив, беззащитным мальчиком, которому нужны забота и любовь. Как бы я хотела быть той, кто даст их ему! Но мы всего лишь работаем вместе – напомнила себе я и удалилась в хвост самолёта. Патрик и Джаред спали в креслах в разных позах, но оба были удивительно счастливы. И я понимала, что, может, перелёты и стали частью их непростой жизни, но вряд ли делали её не комфортной в этом большем, чем самолёт, своеобразном доме на крыльях.

В хвосте находилась ванная комната, не такая маленькая и неудобная, как в обычных лайнерах, а гораздо больше. Я поняла, что место для кухни переоборудовали и сделали ванной, здесь имелся туалет и душевая кабинка. Ванные при-

надлежности находились в ящичке возле раковины, если таковые требовались. Всё как в фильмах, я так и представляла себе идеальную жизнь богатых людей. Я принялась внимательно изучать себя в небольшом зеркале. Помятое платье, помятое лицо и слегка потёкшая тушь под глазами, спутавшиеся волосы, но в целом я выглядела неплохо. Конечно, не как Ева в её каталогах, но после сна в кресле всё могло быть куда хуже. Я держала в руках голубую зубную щётку, а на крышку унитаза положила большую косметичку, подаренную Анной на мой отлёт. Правда, вместе с подарком я получила порцию упрёков, что молчала до последнего, и ещё порцию слёз, что мы и так видимся редко, а если я улетаю, то будем ещё реже. Приводя себя в порядок, я думала, как изменилась моя жизнь благодаря Фабиану и сколько нам ещё предстоит пройти вместе, мы должны были стать отличной командой. Лучшей командой. Единым целым.

Когда я вернулась на своё кресло, Фабиан уже пил чашечку американо, самого крепкого кофе, который только можно пить, и выглядел вполне бодрым. От того милого мальчика, что спал несколько минут назад на кресле, не осталось и следа. Передо мной вновь был властный, всемогущий и безупречный Фабиан Бойл. Он доброжелательно улыбнулся и указал на столик возле моего кресла, на котором стояли кофе, баночка сливок, молока и какая-то булочка.

– Спасибо, я не завтракаю, – улыбнулась я и взяла в руки чашку кофе, вливая в него сливки и вдыхая аромат.

Это лучше всякого завтрака. Просто кофе. Но сейчас просто как волшебство. Самолёт, высота, мужчина и кофе. Такое случается только во сне.

– Я тоже не люблю завтракать, но вам нужно подкрепиться, – вновь указывал мне мистер Бойл, и я не решилась что-то ответить, поэтому принялась по маленьким кусочкам есть одну из самых вкусных булочек в моей жизни. Из слоёного теста, как я люблю, но вместо моей любимой лимонной начинки – малиновая, что ничуть не портило, а скорее делало вкус острее и приятнее, хотя я не принадлежала к поклонницам ягод, особенно малины.

– Вам не нравится? Я попрошу Мию поменять на что-то другое. Что вы хотите? Мюсли, йогурт, может быть, шоколад? – видимо, увидел по моему лицу, что я не в восторге, Фабиан. Он выглядел озадаченным и взволнованным. Из-за какой-то булочки? Я могла лишь рассмеяться и помотать головой.

– Всё превосходно, не волнуйтесь, мистер Бойл, – дождала наконец завтрак я и сделала очередной глоток наивкуснейшего кофе.

– Вчера вы сказали, что мы окажемся в гостинице не раньше девяти часов вечера, – констатировала я, устремив взгляд своих голубых глаз прямо на уже не идеально выбритое лицо мистера Бойла, и продолжала, – я хотела бы, чтобы мои вещи путешествовали с вами, так как мне необходимо остаться в аэропорту, как вам известно; я же могла бы подъехать

к обеду в указанное вами место, – я вопросительно приподняла бровь и закусила вытасченную из сумки ручку, внимательно изучая эмоции на лице моего начальника.

Он немного растерялся тому, как резко я перевела тему с завтрака на работу, но включился моментально и вновь стал собой, таким, какой был сейчас мне нужен. Отрешённым и полностью погружённым в работу.

– Мы приземлимся через час, вы останетесь в аэропорту и проследите, чтобы наш самолет отогнали в ангар и обеспечили его безопасность. Затем отправитесь в гостиницу вместе с экипажем и поможете им с размещением, определив их дальнейшие планы, а именно возвращение в Денвер через три дня. За вами приедет машина в 16:00 и привезет в ресторан, в котором у нас будет деловой обед с нашими партнерами из British Airlines⁴, – высказался наконец Фабиан, и я, дописав всё в свой еженедельник, кивнула и устремила взгляд к иллюминатору.

Больше я не вступала ни в какие диалоги с Фабианом, да и он был занят разговором с Патриком о том, как пройдёт сегодняшний день. Я была уверена лишь в том, что у этого человека рассчитана каждая минута и предрешён каждый шаг. Что немного ставило меня в тупик. Пусть я тоже любила рассчитывать свои шаги наперёд, всё же меня пугала ответственность Фабиана и то, что он абсолютно никогда не бы-

⁴ Крупнейшая авиакомпания и национальный авиаперевозчик Великобритании, одна из крупнейших в Европе.

ваеТ СПОНТАННЫМ.

Глава 6

Я всё ещё дулась на Фабиана за то, что мы едем на поезде. Сидя у окна и пялясь на людей на перроне, я убеждала себя в том, что он поступает так, чтобы разозлить меня. Хотя его мотивация явно была совершенно другой, но я-то видела, как уголки его губ приподнимаются от одного взгляда на моё расстроенное лицо. Вчера он объявил, что собирается добраться до Парижа на поезде. Я всё ещё помнила, как выглядело моё лицо, полностью ошарашенное этой новостью. Все мои доводы заставляли его лишь улыбаться и говорить, что это для понимания обстановки. Хотя мне было точно не понять. Не знаю почему, но я никогда не любила путешествовать на поезде. Абсолютно небезопасно, долго, шумно и вечная морока с багажом. Но мой начальник был уверен в том, что это лучший вариант для того, чтобы разобраться, почему же многие люди предпочитают путешествовать из Лондона в Париж именно на поезде, а не на самолёте. Его доводы казались логичными. Особенно когда мы уже сидели в до отказа заполненном поезде. Но как я не хотела понимать Фабиана, так и не собиралась понимать этих людей. Самолётом же всё равно быстрее и комфортнее, но нет мы едем на поезде.

Голос из динамиков радостно поздоровался с нами и объявил, что через десять минут наш поезд отправляется. Моя

надежда на то, что он сломается и мы всё же доберёмся на самолёте до Франции, улетучивалась с каждой минутой. Лица на перроне заставляли меня вспоминать любимый аэропорт и работу, без которой я, честно говоря, скучала. Только переставая делать то, что приходилось каждый день, я поняла, как же я люблю общаться с людьми, помогать решать их проблемы и люблю аэропорт, где меня все знают, а главное, уважают. Не могу, конечно, упрекать Фабиана или всех его подчинённых в неуважении, но я явно была не самой главой, а то, что я не контролирую, заставляет меня чувствовать свою беспомощность – не самые приятные чувства, смею заметить.

– Добрый день, – поздоровался чей-то бархатный голос, заставивший меня отвлечься от людей и устремить взгляд на молодого мужчину, стоящего прямо над Бойлом.

– Прошу прощения, но вы заняли моё место, 11А.

Молодой человек был воистину красавцем-англичанином с великолепным акцентом, от которого пробегают мурашки по всему телу.

Бойла же явно не радовало то, что есть претенденты на место напротив меня, или ему просто не хотелось сидеть одному.

– Вы не хотели бы поменяться местами? – поинтересовался мой начальник, но скорее ставил перед фактом.

Такое поведение меня немного раздражало. Мы работаем вместе не больше пары недель, а этот голос с нотками при-

каза невозможно не узнать. Не знаю почему, но людей он заставлял делать, как того пожелает именно он, но меня же заставляло сопротивляться с двойной силой. Может, я просто всё ещё злилась на то, что мне приходится работать с ним, а не просыпаться в одной постели после ночи безумного секса.

Голубые глаза нового попутчика устремились на меня, а улыбка заставила улыбнуться в ответ, несмотря на то что я была в подавленном настроении. Но возможно, всё изменится.

– Прошу прощения, но я предпочел бы остаться на своём месте, – настаивал голос более упрямо и явно не уступающий Фабиану. Я поразила тем, что кто-то ещё смеет противостоять великой силе убеждения моего начальника. Хотя так считал только он.

Бойл бросил на меня гневный взгляд и уселся на своё сиденье по диагонали от меня. Он злился, что я убедила Патрика в том, что нам нет необходимости сидеть рядом друг с другом и что вполне справлюсь самостоятельно несколько часов путешествия. И сейчас я была полностью уверена в том, что поступила абсолютно правильно.

Мой сосед оказался именно таким, какими я представляла англичан. Мой идеал – сочетание Колина Фирта и Хью Гранта с телом и волосами Бэкхема. Высокий блондин с короткими волосами по бокам и чуть длиннее посередине, делающими причёску оригинальной. Слегка суженные карие

глаза, обрамлённые коричневыми ресницами, прямой нос, модная трехдневная небритость на щеках и подбородке, обворожительная улыбка и верное сочетание костюма-тройки делали его просто неотразимым. Маленький чёрный чемоданчик оказался на верхней полке, а сосед напротив мило улыбался. В общем, моё путешествие явно начиналось лучше, чем я ожидала.

Как только наш поезд тронулся, я погрузилась в размышления о Лондоне и грядущем Париже, видела уже перед собой Эйфелеву башню и Лувр. Я раньше никогда не мечтала побывать в Париже – городе романтики, любви, цветов и макарун. Напротив, мне всегда казалось это глупой романтической чушью, выдумкой подростков и влюблённых, чтобы было куда ехать на медовый месяц. Но чем ближе я ощущала своё присутствие к Парижу, тем яснее понимала, что это действительно удивительный город со своей неповторимой красотой, и мне так хотелось увидеть его, что сердце замирало от одного предвкушения.

Прошло всего несколько недель, как я оказалась привязанной к Фабиану. Как ни сопротивлялась, он всюду таскал меня с собой, и мне даже казалось, что я чаще присутствую на всякого рода совещаниях, чем его помощник Патрик. Естественно, Фабиан не собирался мне рассказывать, по какой причине я его сопровождаю и зачем ему каждый день в 7:30 лицезреть меня на завтраке, а в 21:45 на ужине, если он, конечно, проводил его не со своими спутницами,

так я назвала тех дам, которые сопровождали его по вечерам. Я видела их лишь краем глаза, но всегда отмечала высокие каблуки на ногах и короткие платья на великолепных фигурах. Я не могла понять предпочтения своего начальника, так как постоянно всё менялось – то брюнетки с длинными волосами, то блондинки с короткими. То ли у него не имелось предпочтений. То ли он просто любил всех женщин без исключения. Но несмотря на то, что он уходил по вечерам, я каждое утро видела его бодрым и готовым к работе. Это меня поражало в нём с новой силой каждый день.

– Адам Кармайкл, – послышался голос, и мне пришлось вернуться в реальность из своих воспоминаний о последних неделях.

Моя улыбка, кажется, растянулась от уха до уха от его бархатистого голоса и потрясающего акцента. Всё же англичане великолепны, что бы кто ни говорил об их чопорности и холодности – всё это оказалось большой чушью.

– Алиса, Алиса Грин, – я протянула руку, и мне даже показалось, что я немного трясусь от волнения. Странно, но с момента встречи с Фабианом я забыла, что есть другие не менее привлекательные мужчины, и вот оно, живое тому подтверждение.

Конечно, Фабиан был красив, и это вряд ли кто-то мог отрицать, но в нём самом, его характере и манере держаться таилось что-то отталкивающее. Его улыбка не казалась доброй и открытой, а глаза не блестели задорным огнём. Я виде-

ла лишь холод и расчёт, в каждом чёртовом шаге всё детально продумано, и как же меня раздражало, что он всё знает гораздо лучше, чем другие.

Мой же сосед и собеседник казался совсем другим. Конечно, я не знала, какой он, и вряд ли мне удастся раскусить его за те часы, что мы проведём вместе в поезде, но его улыбка сразу впечатлила меня, ведь она выглядела настолько открытой и доброй. Мне хотелось улыбаться в ответ, и это не могло показаться каким-то странным. Я просто чувствовала расположение к этому молодому и очень привлекательному мужчине.

– Ваш молодой человек был не очень рад отсечь от вас, – усмехнулся Адам и кивнул головой в сторону Фабиана, который пристально следил за каждым моим движением и словом с того момента, как наш поезд двинулся. Я никак не могла понять его такого внимания, сидел бы он и занимался своим делом.

– Мой кто? Мистер Бойл? – я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Чем больше мы работали с Бойлом вместе, тем меньше я могла представлять нас вместе как пару. Мы были пусть и похожи, но абсолютно разные.

– Это всего лишь мой начальник, он любит всё держать под контролем и ненавидит слышать «нет», – я усмехнулась и вновь уставилась в окно.

Мы отъехали от Лондона.

Я краем глаза наблюдала за Фабианом, который уткнул-

ся в свой iPad и даже не слышал или не хотел слышать, как ему что-то рассказывал Патрик. Я была уверена, что мой начальник в очередной раз сверяется с планом своих поездок, встреч и требует Патрика повторять всё вновь и вновь, дабы нигде не случилось ошибок. Честно говоря, это было одной из причин, по которой я была рада сидеть не рядом с ним. За последние недели я безумно устала от его голоса, повторяющего: «Мисс Грин, вы должны придерживаться плана», «Всё должно быть точно, мисс Грин». Я готова была практически орать на эти слова, так они меня раздражали, его педантичность просто выводила меня из себя.

– Вы в первый раз едете в Париж? – вновь услышала я мелодичный голос моего соседа и, улыбнувшись, ему кивнула.

Наверное, по мне было заметно, что я в первый раз путешествую так далеко от дома, может, на лице отражалось предвкушение от того, что скоро увижу Елисейские Поля и заберусь на Эйфелеву башню, если мой начальник даст мне хотя бы пару часов свободного времени, которое я смогу потратить на себя и на собственные мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.